

Юрий Сунко

Последний роман

Владимира Высоцкого

Биографии великих
Неожиданный ракурс

Биографии великих. Неожиданный ракурс

Юрий Сушко

**Последний роман
Владимира Высоцкого**

«ЭКСМО»

2016

УДК 792.071(47+57)
ББК 85.334.3(2)6-8

Сушко Ю. М.

Последний роман Владимира Высоцкого / Ю. М. Сушко —
«Эксмо», 2016 — (Биографии великих. Неожиданный
ракурс)

Отношения Владимира Высоцкого с Изой Мешковой, Люсей Абрамовой, Татьяной Иваненко, Мариной Влади, Оксаной Афанасьевой многое объясняют. Его голос. Его печальный взгляд. Строки его песен... «Я люблю – и значит, я живу...» Его душа была хрупкой и трепетной, а сердце его всегда было готово к самопожертвованию. Любовь заполняла мысли и чувства великого барда, она его рукой складывала ноты для новых песен. Даже если она иной раз возвращалась к нему стылým холодом. Даже если друзья Высоцкого считали, что именно женщины были виновны в преждевременной кончине поэта. Непостижимо... Наверное, они были не правы...

УДК 792.071(47+57)
ББК 85.334.3(2)6-8

© Сушко Ю. М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

«Я люблю – и значит, я живу!», или «Я любил – и женщин, и проказы...»	6
«Я женщин не бил до семнадцати лет...»	9
«И мы с тобою сразу стали жить, не опасаясь пагубных последствий...»	11
«Роман случился просто так, роман так странно начался...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий Сушко Последний роман Владимира Высоцкого

© Сушко Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

«Я люблю – и значит, я живу!», или «Я любил – и женщин, и проказы...»

...Я это никогда не полюблю! —

финальный аккорд оказался настолько мощным, что одна из струн, не выдержав, возмущенно взвизгнула и тут же свилась в замысловатую спираль-петлю. Высоцкий огорченно посмотрел на свой верный инструмент, который так некстати его подвел.

Но тут же из-за кулис возник Гольдман, перехватил гитару и вполголоса шепнул: «Володя, не волнуйся. Сейчас все поправим, настроим. А ты пока на записки поотвечай. Лады? Вот, держи...» Высоцкий кивнул и обратился к залу:

— Ну что ж, воспользуемся паузой и немного поговорим. Вот мне передали ваши записки, — он развернул первую, — «Владимир Семенович, помните ли вы свою первую любовь?». Смешно. Надеюсь, этот вопрос возник не в связи с только что прозвучавшей песней «Я не люблю!», верно?

Вообще-то я на вопросы из личной жизни не отвечаю — сколько раз женат, разведен и так далее. Я вам сокровенных чувств не поверяю. Я считаю, что это лишнее... Если я вам буду рассказывать о своих сокровенных чувствах, то они вам могут быть совсем неинтересны... А по поводу моей первой любви... Конечно, помню. Она же первая, как можно забыть?..

Никакого имени он, конечно, не назвал, а записку сунул в карман.

Возвращаясь после выступления в Долгопрудном в Москву, Высоцкий был в добром настроении. Его «Мерседес», как в песне, *«наматывая мили на кардан, ехал параллельно проводам»*, одновременно как бы откручивал в памяти давно минувшие годы...

* * *

На право быть именно первой активно претендовала Наденька Савина, с которой 10-летний Володя учился в школе в послевоенной Германии, где армейскую службу несли их отцы.

Вспоминая юные годы, Надежда Александровна рассказывала: «Володя не отходил от меня ни на шаг... Его в нашей школе звали «Хвостик» — он все время за мной ходил... Я была его первой детской любовью... Я сразу обратила внимание на вихрастого мальчишку с внимательным взглядом, едва он появился в классе. Он быстро стал заводилой, многие общественные дела держались на нем». Володя оказывал девочке знаки внимания, угощая собственноручной собранной черешней, краснея при этом под цвет спелых ягод...

Продолжения детская романтическая история не имела. Но Надежда Савина настаивала, что всегда испытывала к Володе нежные чувства. Как можно отказать почтенной даме в искренности чувств? После смерти Высоцкого, когда в Москве был создан мемориальный музей, Надежда Александровна, перебирая дома старые фотографии, обнаружила несколько снимков, сделанных в послевоенной Германии. Решила при случае отвезти их в музей. «Был неприятный день, понедельник, но все-таки дежурные сотрудники позвонили сыну Высоцкого, — рассказывала она позже своим знакомым. — Он приехал, забрал поблекшие фоточки. Пожал мне руку. Но как-то мягко, вяло. Его отец с детства отличался крепким рукопожатием. Я искала в нем черты Володи, но почти не находила. Холеный Никита простился со мной, сославшись на занятость. Нет, Володя был не таким. Таких, как он, больше нет...»

Дотошные биографы, изучая публикации, в которых упоминалась школьная дружба Нади Савиной и Володи Высоцкого, снисходительно упрекали женщину в искажении некоторых фактов, мол, годы, годы... Однако Надежда Александровна непреклонно стояла на своем: «Я была его первой детской любовью!»

И – точка.

Очень жаль, сонетов не напишут
Про мои любовные дела... —

однажды обмолвился поэт с печальным сожалением. Но почему? Вряд ли предосудительным является внимание к деталям биографии той или иной выдающейся личности. И чем крупнее творец, тем больше внимания ко всем сторонам его жизни. Да, ко всем. Не зря же легенда Таганки, Алла Сергеевна Демидова, мудро сказала: «Не понять песен Высоцкого, если не знать, как он жил...»

* * *

«Идеал женщины? Секрет», – отвечал Владимир Семенович Высоцкий на один из вопросов каверзной анкеты, которую распространял среди актеров Таганки летом 1970 года простой машинист сцены Анатолий Меньщиков.

(Спустя восемь лет составитель анкеты, уже актер Вахтанговского театра, показал ее «ответчику». Высоцкий, перечитав свои ответы, удивился: «Надо же, и добавить нечего. Неужели я так законсервировался?»)

Лукавому болгарскому журналисту Любену Георгиеву однажды захотелось спровоцировать Высоцкого: «Вы ненавидите женщин, да?..» На что получил молниеносный ответ: «Ну что вы, бог с вами! Я очень люблю женщин... Я люблю целую половину человечества».

Не тая обиды на бывшего мужа, его первая жена Иза подтверждала: «Мне кажется, он любил всех женщин». Вторая жена Владимира Семеновича Людмила Абрамова говорила: «Пусть меня найдет и плюнет в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать...»

Предлагаемые заметки не претендуют на повторение легендарного «донжуанского списка» Пушкина. Скорее это осторожная попытка создания хроники и анализа взаимоотношений Владимира Семеновича с той «целой половиной человечества», разгадки таинственного «секрета» Высоцкого.

* * *

«Ему почти шестнадцать, – вспоминала Володина кузина Ирэн Высоцкая. – Счастливая пора пробуждения чувств, первых встреч... Одной из таких первых романтических привязанностей Володи стала юная родственница нашего соседа, известного закарпатского художника Эрдели, на редкость красивая девушка. Так и вижу: она стоит по одну сторону забора, разделяющего наши дома, он – по другую. Беседы тянутся за полночь. И уже тогда, в этих робких ухаживаниях, проявляется столь присущее ему на протяжении всей жизни рыцарственное, уважительное отношение к женщине: будь то мать, любимая, любой близкий или даже посторонний человек...»

Судьбы большинства женщин Высоцкого – сами по себе не просто удивительны. Это – сложнейшие, удивительные, нередко трагические жизненные новеллы. Утаить, предать их забвению – грешно.

Зачастую в стихах и песнях он с документальной точностью называл свои юношеские сердечные привязанности: «...*А черненькая Норочка /С подъезда пять – айсорочка...*», «*А помнишь, Кира, Норочку?/ – красивая айсорочка.../ Лафа! Всего пятерочка, /и всем нам по плечу...*», «*Пойдемте с нами, Верочка!/ – цыганская венгерочка...*», «*А помнишь – вечериночки/ У Солиной Мариночки/ Две бывших балериночки/ В гостях у пацанов?...*»

Знавший Высоцкого, как говорится, с молодых ногтей, Аркадий Свидерский в своих записках вскользь упоминал некую Наташу Панову, чью фамилию будущий классик позднее остроумно зашифровал в песне «На Большом Каретном»:

Стало все
По-новой там,
Верь – не верь...

По-новой? – «Па-новой»?!

Инга Окуневская слышала от Левона Кочаряна, что «у Володи был роман с Наташей, которую я хорошо знала. Внешне она была очень похожа на Марину Влади – высокая, стройная блондинка славянского типа – голубоглазая, круглолицая, очень сексуальная». При этом Инга деликатно намекала, что Панова, поговаривали, много потом пила и впоследствии, к сожалению, закончила жизнь нехорошо.

Совершеннолетие, разумеется, прекраснейший возраст для романтических ухаживаний. Летом того же 1954 года, чудом оказавшись на черноморском побережье, Володя радостно сообщал своему школьному другу Володе Акимову: «*Ты понимаешь, скучать я здесь не буду... В начале августа поеду жить в Сочи, а там грех скучать. Море, вернее, на море я упал... В Адлере тоже есть кадры, довольно приличные*».

Школяра Высоцкого безумно раздражало существовавшее в ту пору раздельное обучение мальчиков и девочек. Игорь Кохановский вспоминал, как их, десятиклассников, накануне 7 ноября пригласили на праздничный вечер в соседнюю, девчачью, 187-ю школу. Чопорная атмосфера званого торжества Владимира выводила из себя: «Он говорит: «Слушай, Гарик, нужно что-то придумать, а то все девчонки сидят, скука такая, стихи какие-то читают – кому это все нужно?!» ... Тогда – это был 55-й год ... – у нас ходили анекдоты-переделки басен Крылова на армянский вариант, там всякие смешные сюжеты получались».

Басни эти ребята, конечно, успешно продекламировали, но в итоге получили по «троюку» в табеле по поведению. А друзья-то рассчитывали на медали... Таким был первый щелчок по носу Высоцкому за легкомысленное желание угодить девочкам.

Игорь Кохановский вздыхал, но по другому поводу: «Володя был в центре внимания, все девушки – его! У меня, конечно, белая зависть...»

«Я женщин не бил до семнадцати лет...»

Сегодня всем известна легендарная «большекаретная» компания Кочаряна, Макарова, Высоцкого, Акимова, Утевского и других, в которой что ни день возникали новые яркие персонажи, в том числе, разумеется, и женского пола.

Относительно роли последних будущий писатель Артур Макаров говорил: «Девушки... чувствовали совсем другое отношение и сами начинали к себе по-другому относиться. Изысканные комплименты Тарковского, Володиных песни...

Рыжая шалава, от тебя не скрою:
Если ты и дальше будешь свой берет носить...

«Шалава»? ... В этом не было ничего оскорбительного. Шалава – это было почетное наименование, это еще надо было заслужить...»

Аркадий Свидерский уточнял, что в их компании действовал свой устав, коим предписывалось особое отношение к женщине. Не как в уставе ВЛКСМ – «по-товарищески», а по-рыцарски. Хотя «главный идеолог» Каретного, Макаров, проповедовал «домострой»: женщина должна быть под каблуком, и его клич «Назад, к домострою!» и кредо Андрея Тарковского «Жена нужна лишь для уюта!», безусловно, туманили молодые головы. Но главное, как отмечал Михаил Рощин, «Лева Кочарян, Артур Макаров, Гриша Поженян учили нас «мужчинству»: не трусить никогда, защищать слабого, платить первым, в крови стоять за друга, жалеть детишек и баб. Но пуще всего – беречь свою честь, держать марку, не подличать ни ради чего».

Юный Высоцкий был очень внимателен к сердечным увлечениям своих старших друзей. Видя, как «Толян» Утевский жутко страдает, не в силах преодолеть равнодушие некой милой сокурсницы, Владимир предложил: «А давай ей стихи напишем?» Стихи он, правда, не написал, но на «пост любви» у дома девушки заступил. И когда пассия все же снисходила и соглашалась на предложение Утевского прогуляться, сопровождал их, как верный паж, развлекая шуточками и смешными проделками.

К кочаряновской компании девушек притягивала не богемная обстановка, а легкий, веселый, творческий флер, душевная атмосфера. Каждый из ребят старался отличиться, тащил на суд друзей что-то свое – кто стихи, кто услышанную вчерашним вечером песню, кто наброски рассказа, кто просто свежий анекдот про нового хозяина Кремля Никиту.

Но главное – девушки всегда могли рассчитывать на покровительство, защиту и поддержку своих друзей. Только благодаря их вмешательству соседке Кочаряна Елизавете Никихиной, например, удалось-таки осуществить свою заветную мечту – стать актрисой.

Когда отец 16-летней Лизы узнал, что она собирается поступать в театральную студию, его гнев не было предела: «Ты что – проституткой хочешь стать»?!. И принялся учить уму-разуму. И это в предновогодний вечер – 31 декабря 1957 года! Левон как раз был дома, дожидаясь друзей, чтобы всей компанией отправиться на подмосковную родительскую дачу.

«Когда отец выяснял со мной отношения, – рассказывала Лиза, – в общий коридор вышли покурить Лева, Володя Высоцкий, Андрей Тарковский – совсем еще мальчишки... Увидев эту картину, они отца, значит, это самое... ну, как-то успокоили и сказали, что мне нельзя здесь оставаться. Я собрала вещички и поехала с ними на дачу, к елке, возле которой играли дети, было тепло и пахло пирогами... Потом пошла в театр, а через некоторое время сняла комнату. Полгода спустя отец примирился и вернул меня домой...»

Из дома на Большом Каретном не выбывали «приятные во всех отношениях» девушки, ухаживать за которыми доставляло сплошное удовольствие. Высоцкий, как-то заглянув к

Утевскому, уже служившему в Московской горпрокуратуре, сразу узрел прекрасную незнакомку: «Кто такая?» – «Валя Шпак. Наша сотрудница». – «Очень хорошо!»

Слово за слово, и вечер завершился в гостях у Кочарянов. В кафе ходили редко, лишь когда позволяли финансовые возможности. Володя-то тогда вообще был без копейки, откровенно сожалела Валя. Но подчеркивала: «Высоцкого все любили. И женщины в том числе. Красавцем его не назовешь, но он был очень обаятельным и большая умница. И напористым он был, конечно».

Жена Левона Кочаряна Инна (профессиональный чтец Москонцерта) вместе со своей подругой, соседкой по дому Ингой Окуневской, едва собиралась компания, тут же «ставили под ружье» всех вновь прибывших девушек – они шустрили по кухне, собирая нехитрую закуску с обязательным участием обожаемой всеми баклажанной икры (с лучком!), сервировали стол и только потом уже получали право принимать участие в пиршестве.

Ну а появлявшиеся обычно чуть позже и в сопровождении постоянных кавалеров – Люся Марченко с Олегом Стриженовым, Жанна Прохоренко с Артуром Макаровым, Нонна Мордюкова кое с кем – вступали в кочаряновские «апартаменты» «королевами бала». А что? Имели право!

Нонна, еще студенткой ставшая лауреатом Сталинской (!) премии за роль Ульяны Громовой в фильме «Молодая гвардия». Жанну поголовно обожали после народной «Баллады о солдате». Визитной карточкой юной Люси стала героиня Достоевского в картине «Белые ночи». Кино творило чудеса.

Молодежь пела, веселилась, танцевала. Левон, сам неплохо владевший гитарой, первым осознал значение только-только появившихся магнитофонов и для пробы стал записывать на свой «Спалис» застольное песнопение друзей. У каждого был свой сольный номер: Олег Стриженов исполнял «Если я заболею», Анатолий Утевский – «Сам я – вятский уроженец», сам Кочарян – «Как много девушек хороших...» и «Заскакиваю на хазу...», Нонна Мордюкова любила петь пастернаковскую «Свечу» и «Обронила я колечко», баловалась частушками, а Высоцкий, конечно, славился своей «Татуировкой»:

Не делили мы тебя и не ласкали,
А что любили – так это позади...

Строгая «прокурорская» девушка Валя Шпак вспоминала: пели все, даже у кого со слухом было не ахти. Володю иногда просили попеть, а когда – и нет. Порой он даже надоел. Зато все покатывались от его устных рассказов.

Нонна Мордюкова не скрывала: «Володю тогда старалась избегать – он был беспокойным, мне не нравились его песни, вернее, их содержание и его манера исполнения. Теперь-то я уж понимаю, как ошибалась: вникнув в смысл, я осознала величину его таланта...»

«И мы с тобою сразу стали жить, не опасаясь пагубных последствий...»

В школе-студии, где особо почитались устоявшиеся традиции, наш студент среди однокурсниц «любовей» благоразумно старался не заводить, следуя всем известному правилу... Хотя «кадры» среди них, безусловно, имелись. Достаточно вспомнить имя будущей и самой, пожалуй, яркой телеведущей советского ЦТ эпохи 60 – 80-х черноокой красавицы Азы Лихитченко.

Вспоминая о годах студенческих, «цыганка Аза» говорила: «Володя был выдумщик, любил делать этюды на улице, собирать толпу, своим хрипловатым голосом он рассказывал удивительные истории и ежедневно кормил нас ими. Пел Володя редко, да и то нечто несерьезное...»

Лихитченко категорически отрицала какие-либо романтические отношения с Высоцким. Хотя даже мама Володи – Нина Максимовна была убеждена в обратном. «Через много лет после смерти Володи, – рассказывала Аза, – она спросила у меня: «Азочка, у тебя же был роман с Володей?» – «Не было у меня романа, не было. Это у него был роман со мной, а не у меня с ним». – «Нет, был», – все время говорила мне она».

Это мое, справедливо полагала Аза. Романа не было, было другое. Правда, во время летних каникул 1959 года, когда выездная бригада школы-студии развлекала жителей подмосковного Ступинского района, у нее едва не произошло любовное приключение с Высоцким.

Я влюблен был, как мальчик,
С тихим трепетом тайным
Я листал наш романчик
С неприличным названием...

Во время ступинских «гастролей» он действительно произвел на нее впечатление: «Володя умел захватывать аудиторию. Что-то в нем тогда уже было такое... Выходил Володя, который читал Щукаря, – в то время это был его коронный номер. Он говорил первую фразу – зал шумел, еще не отойдя от предыдущего, – затем вторую, третью. Зрители постепенно затихали, втягиваясь в его чтение. Потом он полностью овладевал залом, который буквально внимал каждому его слову. И заканчивал Володя при громовом хохоте и аплодисментах...»

В одной из деревушек «артистам» для ночевки определили школу. Азе повезло: ей досталась отдельная каморка. Среди ночи в дверь кто-то постучал. Открыла – на пороге Володя: «Извини, коек на всех не хватает...» Девушка добрая, Аза согласилась его приютить. Но завернулась в дождевик: «Ладно, раз некуда деваться – ложись. Но если только ко мне прикоснешься – буду кричать, учти». Кое-как устроились. Высоцкий долго пыхтел, потом не выдержал: «Нет, пойду на сеновал спать...»

Аза была домашней девочкой, держалась немножко в стороне от остальных ребят, их «игрищ и забав». По возвращении из Ступино Владимир пытался повидаться с Азой вне стен училища, наведывался к ней домой. Если Азы не было, упорно ждал. «Сколько раз я его заставала у нас спящим! – смеялась она. – Прихожу – Володя опять в доме. А однажды он меня на руках в дом внес. Поднял на руки и внес на пятый этаж без лифта. Я отбивалась: «Вовка, пусти!» Мама однажды даже поинтересовалась: «Аза, а что это Володя Высоцкий к нам зачистил? Уж не роман ли у тебя с ним?» На что дочь дерзко ответила: «Ну а если даже роман, то что?» – «Да он же такой страшненький...»

А потом он неожиданно сделал Азе предложение. Хотя она в то время была без ума от старшекурсника, Шуни Фадеева. Но для Высоцкого это не стало преградой.

– Я тебе докажу, что мы – прекрасная пара, – сказал Владимир. И решительно повел на Арбат, к какому-то знакомому художнику. Хозяин комнаты в коммуналке устроил им, как принято ныне выражаться, фотосессию с помощью допотопного аппарата на треноге.

– Теперь смотри, какая мы пара! – через несколько дней Высоцкий вывалил перед ней целый ворох снимков.

А через месяц-другой Аза вдруг узнает, что Высоцкий женится. Вот те на! «Как же так, – думаю, – вроде же был в меня влюблен. А женился на Изе Мешковой. Она мне очень нравилась – рыженькая, симпатичная, очень славная». Особой обиды на «подлого изменщика» девушка не таила, но самолюбие наверняка было задето.

По окончании студии Аза оказалась в Севастопольской русской драме, даже успела промелькнуть в эпизоде фильма «В начале века». А потом, случайно увидев объявление о наборе дикторов на телевидение, решила рискнуть. Прошла сумасшедший конкурс (не меньший, чем в отряд будущих космонавтов) – и победила! В те годы теледикторов на Шаболовке всего-то было четыре человека. Для счастливых обладателей первых отечественных «КВН-49», «Рекордов», «Темпов» любимые дикторы из чудо-«телеящиков» становились едва ли не полнокровными членами семьи. Главными инструментами общения Азы с теми, кто находился по другую сторону экрана, был необычный низкий голос и взгляд, вызывающий доверие. Правда, завистливые сокурсницы, узнав о неожиданном выборе Азы, фыркали: изменила сцене! Но до ее популярности им было уже не дотянуться.

А разве не заслуживали пристального внимания другие юные однокурсницы? Марина Добровольская, Таечка Додина, Роза Савченко, Луиза Неделько, Лола Евгенина, Виктория Платова... Да только одними их именами можно было очароваться! Но не только, конечно.

Вику Платову, например, Высоцкий приметил, заглянув в опустевшую комнату приемной комиссии. На столе сидела счастливая девушка, которая со ступеньки «абитуриент» уже запрыгнула на следующую – «студентка актерского отделения», и оттого на радостях самозабвенно распевала:

В тихом городе возле гавани
В семье боцмана я родился,
И мальчишкою лет семнадцати
На большой пароход нанялся...

«Володя, – вспоминала она, – подошел ко мне и с огромным интересом стал слушать, ему мое исполнение ужасно понравилось, хотя слух у меня абсолютно отсутствовал. Вот тогда мы с ним впервые заговорили. Симпатия была взаимной».

Но не окончив даже первого курса, Вика перебралась в Питер, забыв о своих актерских амбициях. Так сложилось. После переезда отношения сами собой прекратились. Хотя желание их сохранить, конечно же, оставалось. Как-то в квартире Платовых раздался телефонный звонок:

– Вик, привет! Мы тут с Жоркой Епифанцевым в Ленинграде оказались. К тебе можно заглянуть?

Вика смутилась: в кроватке вопит ребенок, из комнаты в комнату бегают вечно озабоченная мама...

– Лучше бы в другой раз, я такая, честно, пришибленная...

– Жалко, – огорчился Высоцкий. – А может, ты выйдешь к нам? Мы тут у Летнего сада...

Она, конечно, вышла. Друзья стояли облокотившись на садовую решетку. Володя был с гитарой.

– Ну, давай пойдем куда-нибудь. У тебя подружки-то есть, у кого посидеть можно?

– Нет у меня подруг.

– Жаль. Я тут песню сочинил. Спеть хотел... Ну, тогда пока!

И они пошли – долговязый Жорка, он и гитара... Потом через много лет встретились. «Володя никогда не извинил меня, – корила себя Вика, за тот случай. – А может, не простил и того, что я так и не стала актрисой... Когда работала на «Леннаучфильме», был какой-то деловой телефонный разговор, и я поняла его отношение: дескать, я тебе вне слав был не нужен, а теперь ты мне не нужна...»

Однокурсницы поначалу не особо выделяли из мужской половины курса именно Володю Высоцкого. Но им по душе был его легкий нрав, забавные затеи, вечные шуточки, истории, а главное – надежность и независимость.

По всей вероятности, Высоцкий накрепко усвоил уроки замечательного педагога школы-студии, натуральной, между прочим, графини Елизаветы Георгиевны Никулиной (урожденной Волконской), которая настоятельно рекомендовала: «Володя, не пытайтесь делать из себя графа, постарайтесь стать Высоцким, может быть, тогда у вас и появится благородство». Вчерашние школьники хихикали, но одновременно благоговели перед Волконской. Высокая, статная, худая, посверкивавшая старинными перстнями, с неизменной папироской, она сидела, аристократично возложив ногу на ногу и снисходительно посматривая на своих воспитанников. «Просто замечательно с нами общалась, – вспоминала Таисия Додина, – ее стиль был – доброжелательная ирония. Как войти в комнату, как отодвинуть стул, сесть за стол... Она учила мелочам, но столь важным мелочам...»

Додина, кстати, в появлении будущего Гамлета на Таганке сыграла, может быть, ключевую (во всяком случае, лучшую для себя!) роль. У них завязались добрые отношения с первых же дней знакомства. Переживали друг за друга во время вступительных экзаменов. Потом были какие-то общие прогулки, развлечения, вечеринки. Свое 19-летие, к слову, Володя отмечал вместе с Таей и неразлучной парочкой – Геной Яловичем и Мариной Добровольской. Додина подарила имениннику стаканчик с ландышем. А ресторанный оркестр в это время вовсю наяривал с эстрады «высокопоэтический» убойный шлягер:

Ландыши, ландыши,
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши,
Белый букет.

Гуляли ребята в ресторане гостиницы «Москва» на два червонца, выделенные отцом Высоцкого. Тогда на такую сумму можно было весьма недурственно посидеть, выпить коньячку, закусывая икоркой или крабами. Тая уверяла, что Володя никогда за ней не ухаживал, «но всегда кокетничал, играл, шутил, как с маленьким ребенком...».

После школы-студии Додина по распределению попала в Театр драмы и комедии (еще при прежнем главреже Плотникове). В 1964-м новый главный режиссер Юрий Петрович Любимов оставил ее, одну из немногих актеров прежней труппы, в своем театре. И зная о бедственном положении Высоцкого, старалась по мере сил помочь бывшему однокашнику трудоустроиться. Даже предложила подготовиться к показу чеховской «Ведьмы» у себя дома, на Мытной.

На первую «репетицию» он пришел к Тае в сопровождении Жоры Епифанцева. «Было холодно, дождливо, а Володя был в одном пиджаке, – вспоминала Додина. – Я говорю: «Володь, что ж ты ходишь так? Ты же простудишься. Тем более тебе сейчас поступать в

театр, нужно, чтобы был голос... Как же ты будешь показываться? Снова будешь хрипеть. Тебе нужно что-то теплое. На, возьми это пальто, прикройся...» – «А, спасибо, спасибо...»

Додина все уши прожужжала директору театра, горячо убеждая, что ее протеже очень талантливый человек. «Она все канючила: «Ну возьмите Володю. Он актер замечательный, просто жизнь у человека не складывается. Поругался с главным в Театре Пушкина, потом ушел из Театра миниатюр...» – «Ладно, – в конце концов согласился строгий Николай Лукьянович Дупак, – пусть придет, покажется...»

Показ состоялся. Но особого впечатления на Любимова Высоцкий не произвел. Но зато его песни...

Во мхатовском училище хватало объектов внимания, особенно среди старшекурсниц. Тем более что Высоцкий был «...действительно симпатичен, обаятелен. Так что неслучайно многие девушки нашего курса, как говорится, положили на него глаз. Была и я среди них...» – признавалась Иза Жукова-Мешкова.

Она училась уже на третьем курсе. Муж, авиационный техник, прозябал где-то в таллинском аэропорту, родители жили в далеком Горьком. А Изины недоброжелательницы еще нашептывали, будто бы у нее где-то растет ребенок. Правда, единственный сын Глеб у Изы появился лишь в середине 1965 года. И не от Высоцкого.

В студенческие годы на Изольду просто нельзя было не обратить внимания. «Изочка была очаровательна, прелестна и очень горда, – рассказывала однокашница Карина Филиппова. – Такой фигуры, какая была у нее, даже сейчас не встретишь ни в одном журнале!»

Близкому знакомству Изы с Высоцким помог случай. «У нас в студии очень почитались старшекурсники, просто была такая традиция. Не важно, какого ты возраста – если ты старше курсом, все равно перед тобой снимают шапку, – рассказывала Изольда. – А они, Володин курс, для нас были «мальчики и девочки». И их курс был такой «хулиганский», озорные ребята – в общем, не «бомондные».

Но младшекурсника Высоцкого все-таки выделили среди остальных и доверили поучаствовать в подготовке дипломного спектакля выпускников «Гостиница “Астория”». А потом в канун какого-то праздника старшие снизошли к «мальчикам и девочкам», пригласив их вместе отметить событие. Собрались на квартире Греты Ромадиной, этакой «салонной» дамочки-девочки. Накрыли красивый стол, но явился Володин курс и устроил там «живые картинки»! Они сломали салонный стиль. Привнесли, так сказать, свою свежую струю.

На той вечеринке Изу настойчиво обхаживал молодящийся преподаватель кафедры мастерства актера Виктор Монюков. Когда все стали разбредаться по домам, Монюков галантно пригласил симпатичную студентку к себе на чашечку кофе с пирожными. Это в три часа ночи! Виктор Карлович просчитался, недооценил соперника. Да Монюков вообще даже не замечал своего ученика, которому еще только предстояло постигать азы мастерства актера и пробовать тягаться с ним. Паренек скромно шел рядом, а потом вдруг решительно взял девушку за руку и повел куда-то за собой. Видимо, провожать до общежития на Трифоновке.

– Шустрый, хулиганистый, немножко конопатый, влюбленный, как мне показалось, сразу во всех девушек, – захлебывалась от восторга Иза, рассказывая о юном провожатом своим соседкам по комнате Рите Володиной и Гале Грозиной. – Этот мальчишка потащил меня гулять. Возмущение, искренний протест и главный козырь: «Я, между прочим, замужем!» – не помогли... Мы шли бульварами на Трифоновку «и всю дорогу ругались... Мне было досадно и обидно, что не поехала на кофе. Да и зачем он идет за мной? Я замужем! Хотя брак продержался всего две недели, но я не была разведена. Я даже не помню, о чем мы говорили...

Что было дальше? «Потом мальчик с торопливой, чуть вздрагивающей походкой, дерзкий, смешной стал родным и любимым...» Она обнаружила, что Володя «по-особенному

ярок... В свои 19 лет он был мужчиной, по-настоящему, по-большому, по-крупному... С того дня, точнее, с той ночной прогулки при луне, он вообще был при мне, со мной... Я приходила в столовую, а мне несли обед и не говорили от кого. «Я не буду, я не буду!» – возмущалась я. «Да ты не бойся...» Или я заболела, и моментально появлялись лекарства. В Москве тогда невозможно было достать цветы, а он находил. Таскал еду из дома. Этот ребенок в 19 лет... Дай бог так себе зрелым мужчинам вести... Помню, он принес мне спелый апельсин и туфли, от которых оторвал каблук. Володя сделал это, чтобы на прогулках мы были одного роста и меня можно было держать за шею – это тогда было модно... «Шпильки» создавали лишние проблемы, и Володя без сожаления от них избавился...»

Он молниеносно исполнял любой ее каприз, которых было много. Сидит девушка Иза грустная-грустная. Володя ее спрашивает:

– Чего ты такая насупленная?

– Есть хочу!

Володя мчится домой, жарит яичницу из 12 яиц и прямо на сковороде приносит ей. Благодаря ему, говорила Иза, мне всю дальнейшую жизнь хотелось быть маленькой, беспомощной и глухой.

Изольда скоро убедилась, что Володя не может некрасиво ухаживать. «Мне кажется, – говорила она, – он любил всех женщин... Он носил их на руках. Дарил, бесконечно дарил – что угодно. Я сама не заметила, как вдруг мне стало его не хватать. А потом случилось то, во что я очень верю, – два человека превращаются в одного...»

«После их первой ночи, – рассказывала задушевная подруга Карина, – она сидела у меня и рыдала: «У меня никогда такого раньше не было! Такой мужчина!» Она вдруг поняла, что встретила мужчину всей своей жизни. До этого у нее не было мужчин с такой силой и таким огнем. А он ее боготворил! Это были самые первые, самые нежные чувства...»

Весной 57-го студенческий спектакль «Гостиница “Астория”» был принят строгими экзаменаторами, а уже осенью Володя увел Изу с Трифоновки на свою Первую Мещанскую. Маме и ее тогдашнему возлюбленному Жоре Бантошу объяснил без затей: «Познакомьтесь, это моя жена».

«Получилось как-то все очень естественно и просто, – вспоминала Иза. – Без этих вопросов: почему, да не рано ли, и зачем это надо...»

Хотя, возможно, Нине Максимовне в тот момент не до того было.

Молодым по договоренности с соседями – Яковлевыми – отдали в распоряжение общую комнату, именуемую «столовой». Конечно, стало немножечко труднее принимать знакомых, друзей, а там без этого не проходило ни дня. Комнатка была проходная, и на ночь приходилось ставить ширмочку...

Однажды, не выдержав подобного «уединения», Владимир пришел к Филипповой с просьбой: «Кариш, нам с Изой нужно помириться, сдай комнату!» – «Вы что, с ума сошли? А я где буду жить? У меня же всего одна комната!» – «Ну, тогда сдай нам балкон...» Вот там, на балконе, они и помирились».

«Володя, – вспоминала Иза, – просыпался и сразу включался в жизнь. Он знал, чего хочет, любил всех людей. Любил общаться с детьми, со стариками – с кем угодно. Жизнь во всех проявлениях была для него чрезвычайно интересна...» Вместе с Изой они взхлеб зачитывались наимоднейшими в ту пору романами Ремарка и Хемингуэя, засиживались с друзьями, бывали на выставках, вечерах поэзии. (Кстати, то был еще и год Первого Всемирного фестиваля молодежи и студентов, воображение будущих актеров будоражили фильмы, представленные на Неделе французского кино. Именно тогда советский кинопрокат вернул на «историческую родину», в Россию, Марину Влади в образе Колдуньи.)

Но вскоре семейные отношения молодой пары подверглись первому испытанию на прочность. В 1958 году Иза, получив диплом, вынужденно оказалась по распределению в Киеве, в Театре русской драмы имени Леси Украинки.

А до того она повезла своего нового мужа на смотрины к родителям в Горький. На вокзале, окинув строгим взором зятя, мама, которую насторожил его буклетистый пиджачок, коих в Горьком еще не видывали, поджала губы: «Этот клоун и есть твой муж?..»

Жить Володе у Мешковых, как оказалось, было негде. «У нас в доме, – оправдывалась Иза, – негде было раскладушку поставить – да и самой раскладушки-то не было...» Столичному гостю пришлось довольствоваться каютой на волжском дебаркадере.

Словом, настроение было не ахти. По вечерам хоть волком вой, а лучше – спой:

А ну тебя, патлатую, тебя саму и мать твою!
Живи себе, как хочешь, – я уехал навсегда!

Но вида, конечно, не подавал. «Он был балагур, – вспоминала Фая Масунова, подруга Изы. – Сплошь – шутки-прибаутки, какое-то бесшабашное веселье... Бренчал на гитаре, пел, но не свое, а что-то популярное в студенческой среде, смешное и философское тоже. В общем, веселил нас, был «своим парнем». Мы гуляли по набережной, любовались видами Волги... Они часто ходили в театр, поскольку студентам театральных училищ разрешалось бесплатно посещать спектакли...»

Летом следующего года Иза с Владимиром вновь приехала в Горький. Не только погостить у родных, но и попытаться подзаработать на съемках фильма «Фома Гордеев». Жора Епифанцев, однокурсник Высоцкого, снимавшийся в главной роли, соблазнил! Поскольку ребятам нашлось место лишь в массовке, они в основном проводили время на реке, купались, дурачились. Когда съемки закончились, гурьбой – Высоцкий, Епифанцев, Иза, Фаина и еще кто-то из киногруппы – отправились «в люди», в местный ресторан «Москва». «Тогда Высоцкий показался мне более озабоченным, – замечала Масунова. – Он, конечно же, был внимательным и галантным с нами, дамами...»

Но вместе с Изой направимся на Украину. «Киев – отличный город, я там не раз бывал, у меня там родня живет, люди хорошие», – подбадривал ее Высоцкий. Еще бы, не зря же киевская подруга Ирэн Высоцкой Наташа Мельниченко вспоминала: «Девушек у него тут было много: парень видный, бойкий, веселый, остротами так и сыпал, великолепный рассказчик, анекдотов знал несчетное количество...»

Расставание было тяжким. «Вокзал, – вспоминала Иза, – был затоплен моими слезами. Я стояла, вжавшись в стену, а Володя, упершись ладонями, отгораживал меня от всего мира. И я ужас как ревела. И мы ужас как целовались. Поезд вздрогнул, и я, окончательно обессилев, вжалась в угол полки, уносясь в далекое, в страшное, в разлуку».

Жить в Киеве дебютантке, естественно, было негде. Дирекция недолго думая пристроила новенькую в свободной комнатухе (то ли бывшей примерке, то ли кое-как обустроенной кладовой) в помещении театра.

В тех же условиях (вернее, вовсе без оных) по соседству обретался еще один начинающий актер Паша Луспекаев (будущий незабвенный таможенник Верещагин из «Белого солнца пустыни»). В один из своих наездов к молодой жене пылкий Высоцкий едва не подрался с темпераментным Луспекаевым (гремучая смесь кровушки мамы-хохлушки и отца-армянина), когда тот от скуки, одиночества и неопределенности, изрядно приняв, стал ломиться в двери к симпатичной рыжеволосой соседке, ласково называя ее «киской», «рыбкой» и пр. Ситуация анекдотическая. То есть с точностью наоборот. Или как в будущей песне Владимира:

Потом, я помню, бил друзей твоих,
Мне с ними было как-то неприятно,
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята...

Примерно таковым было нечаянное знакомство Высоцкого с Луспекаевым, переросшее затем в крепкую мужскую дружбу.

Как рассказывала Иза, рядом с ее «жилплощадью» был кабинет заведующего труппой Дудецкого, в котором имелся телефон. Уходя домой, завтруппой оставлял Изе ключ и подмигивал: давай, мол, пользуйся, пока я добрый!

В коммуналке на Первой Мещанской телефонный аппарат был намертво закреплен в общем коридоре, и, как вспоминала Нина Максимовна, во время долгих ночных переговоров с Киевом сыну приходилось накрываться с головой подушкой, чтобы не дай бог не потревожить соседей. Может быть, именно с тех пор Высоцкий и испытывал особо трепетные чувства к анонимным телефонисткам междугородней связи – 07?..

В Киевском театре Изу, как водится, восприняли по-разному. Ветеран сцены Александра Смолярова ее попросту не замечала, с трудом вспоминая «угловатую девчущку с острым носиком, которая ничем особенным никого не сразила». Тогдашнюю приму Мальвину Швидлер радовало, что новенькая актриса была «не пижонкой, не высокомерной и в то же время, держась особняком, никогда не вникала ни в какие театральные дрязги, сплетни». К этой характеристике Мальвина Павловна добавляла: «Несомненно, очень талантливый человек». А вот внимательный к женской красоте хранитель театрального музея Сергей Иванович Филимонов запомнил, что Иза каждый день приходила на репетиции с новой прической, и режиссеры всякий раз встречали молодую актрису ехидным вопросом: «Какой же прической вы нас сегодня порадуете?..»

Но молодую актрису вскоре «порадовали» врачи: «Вы беременны, голубушка».

Иза тут же помчалась в Москву. Испуг, смятение, стыд – все это как обрушилось, ревела она в три ручья. «Живу в театре, официально замужем за одним, люблю другого и жду от него ребенка... Мы смотрели друг на друга, потрясенные. Решили: аборт». Через десять дней Иза вышла из больницы, получила десять нежных писем и две телеграммы от Высоцкого. Уехала в Киев и снова начала работать.

Друзья утверждали, что в то время Высоцкий пытался пристроиться в труппу Театра имени Леси Украинки. Еще во время своего прослушивания у директора театра Виктора Мягкого Иза даже робко заикнулась: «Я не одна. Послушайте и моего мужа – артиста Владимира Высоцкого, он там на порошке сидит...» На что последовал грозный директорский отпор: «Какой еще муж?! Какой еще Высоцкий?! Скажи спасибо, что мы тебя взяли!» Наблюдательной Мальвине Швидлер отчетливо запомнился муж Изы: «Небольшого роста, с румянцем со всю щеку, совершенно незаметный... Но уже тогда можно было догадаться, что это не такой простой мальчик, как могло показаться на первый взгляд: не было в нем зависимости, улыбочек, эдакого актерского желания понравиться».

В общем, не сложилась киевская карьера актера Высоцкого, и слава богу. Ведь недаром тогда бытовала присказка: когда в Москве стригут ногти, в Киеве режут пальцы...

В 60-м, когда Владимир уже оканчивал училище, молодые люди решили узаконить свои отношения. Тем более что к тому времени Изе удалось, в конце концов, расторгнуть свой брак с таллинским наземным авиатором при помощи влиятельной клиентки – народной судьи – Володиной бабушки (лучший косметолог Киева!). Она уволилась из театра и тотчас возвратилась из «киевской ссылки» в Москву. В книге регистраций напротив записи об увольнении актрисы Изольды Жуковой из Театра имени Леси Украинки заведующий труппой написал: «Ушла. Очень жаль».

С собой из Киева Изольда привезла чемодан писем от Высоцкого, который сочинял ей чуть ли не каждый день. (А в памяти почему-то возникают написанные им позже строки:

Не пиши мне про любовь, не поверю я...

или:

Я сжал письмо, как голову змеи.
Сквозь пальцы просочился яд измены...)

На 25 апреля 1960 года была назначена официальная церемония бракосочетания. Поначалу Иза с Володей собирались отметить это событие скромненько, пригласить самых близких друзей – Свидерского, Гену Яловича, Володю Акимова – и посидеть в ресторане. Был, правда, и другой вариант – «домашний».

Воспитанной на Востоке «маме Жене», второй супруге Семена Владимировича Высоцкого, эти планы будущих молодоженов показались вопиющим нарушением традиций. Она принялась названивать мужу в Питер, где тот постигал премудрости военных наук в Академии связи. Высоцкий-старший с мнением жены, разумеется, согласился, сказав, что молодежь в этой жизни ни черта не смыслит, ветер в их головах гуляет, и велел отпраздновать свадьбу как полагается – с размахом! Места мало? Соберутся в их квартире на Большом Каретном. Решено! Все хозяйственные хлопоты взяла на себя Евгения Степановна.

Следуя традициям, жених в канун свадьбы созвал «мальчишник» в любимом кафе «Артистическое» (в их кругу именуемое на французский манер – «Артистик»). Конечно, куда, как не в «Артистик», было податься студенту театрального вуза?! Пусть выбор блюд там был невелик: омлет, блинчики, бульон, зато напитков с лихвой хватало. Высоцкий много пел, а каждый тост сопровождал горестными словами: «Она меня соблазнила и лишила свободы!»

Когда вечеринка затянулась не на шутку, невеста нагрянула в кафе. Подгулявший жених тут же честно признался, что «пригласил всех!». На трезвый Изин вопрос: «Кого это «всех»?» – последовал маловразумительный ответ: «А я не помню, Изуль, я всех приглашал...»

Словом, на свадьбе гуляли действительно все: два курса – и Володин, и Изин, друзья, родственники, соседи. Разве что родители невесты на торжество не пожаловали. Но и без них двухкомнатная квартира Семена Владимировича оказалась тесноватой. Гостям пришлось рассаживаться даже на подоконниках. Было весело, шумно, бесшабашно. Само собой, пели, плясали, шутили. Невеста была в сногшибательном платье – в палевых розах, пышное, нарядное, из перлона, – приобретенном в новом магазине «Наташа» на улице Горького. Туфли, естественно, были без каблуков, бледно-лимонные... Жених же – просто в рубашечке, хотя накануне был куплен костюм. Колец тоже не было. Ведь все, что они зарабатывали, объясняла Иза, уходило на поездки Москва – Киев – Москва.

А вот киевская Володина бабушка вручила молодым целых три тысячи рублей (немалые деньги по тем временам), дав совет: купите Изе шубу. Жених был за, однако невеста поступила по-своему: «Я поехала с утра в ГУМ, но до 2-го этажа, где торговали мехами, так и не дошла. Домой вернулась к вечеру на такси, пьяная от счастья, – чего я только не купила! Мы сидели на полу, разложив многочисленные коробочки, пахнущие дурманом духи, китайскую пудру, что-то газовое-шелковое, невозможно красивое, недоступное, и были страшно довольны...»

Кто знает, может быть, впечатления от разнообразия «газового-шелкового» и неистребимых ароматов чуть позже навеяли начинающему поэту строки:

Красное, зеленое, желтое, лиловое,
Самое красивое – на твои бока.
А если про дешевое – то новое, фартовое, —
А ты мне только водку, ну и реже – коньяка.

«Наша с Волчонком свадьба – отдельная история, – вспоминала Изольда. – В Рижском загсе, где нас расписывали, вместо марша Мендельсона звучала музыка из фильма «Укротительница тигров». Хохотали все. От смеха я дважды роняла цветы...»

Самым оригинальным подарком молодоженам стал... громадный дог, которого привел друзьям шутник Гена Ялович. Гостям (в отличие от жениха и невесты) подарок жутко понравился, все норовили погладить страшилище по короткой шерстке, а кое-кто шутки ради как раз – против нее... Через пару дней после свадьбы Владимир позвонил дарителю и взмолился: «Что мне с ним делать?! Забери его к черту!» Хотя многие говорили, что Высоцкий в общем-то любил животных, но... на расстоянии.

Словом, свадьба удалась на славу. Часа в четыре утра законные супруги в сопровождении Нины Максимовны возвращались домой, на Первую Мещанскую. Там Высоцкий, вскочив на подоконник, принялся зазывать с улицы работяг, спешивших на смену, отметить день лишения его свободы.

А затем наступили «суровые будни». Но Изе нравилось: «Выйдя за Володю замуж, я попала в совершенно необыкновенную атмосферу. Он был как-то ближе к своему отцу. У Семена Владимировича тогда уже была другая семья. Его вторая жена Евгения Степановна – армянка, и у них были сильны традиции гостеприимства. Постоянно большие компании, совершенно удивительные застолья с восточными блюдами, теплое, заинтересованное отношение к людям. Володя вырос таким ласковым, великодушным... Его нельзя было не любить – за доброту, нежность какую-то к людям. Мои мама и бабушка тоже были в него просто влюблены...»

Поначалу супруг попытался самостоятельно решить дальнейшую карьеру жены. Когда его пригласили в Театр имени Маяковского, он поставил условие: только с Изой. Хотя она понимала, что «по своему амплуа я не подходила» для этого театра. На вариант – работать в разных театрах – Владимир категорически не соглашался. Потом последовало предложение от Бориса Равенских, который только-только возглавил Театр имени Пушкина.

Светлана Аннапольская, которой было поручено обновление труппы Пушкинского, не скупилась на комплименты, расхваливая начинающего актера новому главному режиссеру: «Он не похож ни на кого. Он очень богатый внутренне парень...» Позже выяснилось, что Светлана Ильинична близко знала семью Высоцких – и деда, и отца Владимира. Словом, сосватала она Высоцкого в театр Равенских. Потом признавала: «Ничего выдающегося в Театре Пушкина ему сыграть так и не дали. Слава богу, что он быстро ушел оттуда... Если бы он там остался, может быть, он бы и не раскрылся...»

А Иза на просмотре в Пушкинском умудрилась поскандальить с придирчивым Борисом Равенских. «Даже у талантливых, хороших режиссеров самодурство, как правило, присутствует, – пыталась объяснить она свой провал. – Моя стычка с Равенских ведь заключалась в том, что, как оказалось, он мне делал гигантский комплимент, а я это восприняла как огромное хамство...»

Помимо профессиональных неудач, у Изы стали возникать проблемы и на личном фронте. Дико мучила ревность к Володиным друзьям. Раздражала иезуитская манера мужа по вечерам звонить от кого-нибудь из приятелей и говорить: «Я еду». Потом перезванивать минут через пятнадцать и сообщать: «Я уже выезжаю». Проходило еще какое-то время, и раздавался очередной звонок: «Я уже еду». И так он мог «ехать» часами. Черт знает что!

Иной раз затевал и вовсе странный телефонный разговор:

– Изуль, ты хочешь, чтобы я приехал быстро?

– Конечно.

Он приезжал, но в одной рубашке, без свитера.

– ?..

– Отдал таксисту. Но ты же сама хотела, чтобы я приехал быстро. Да и свитер, честно говоря, был уже рваный...

Порой Иза пускалась на элементарную женскую хитрость. По ее просьбе на очередной вечерний телефонный звонок Володи с другого конца Москвы отзывалась соседка – Гися Моисеевна Яковлева (да, та самая – из «Баллады о детстве») – и невинным голосом говорила, что Изочки нет, она, дескать, оделась, «как экспонат», и ушла. «А куда, Володечка, мне неведомо». Тогда ревнивец обзванивал всех подруг Изы, потом бросал все и мчался домой, где, конечно же, заставлял жену, уютно устроившуюся на диване с книжкой в руках.

Она не отрицала, что частенько ссорились. Наговорив друг другу благоглупостей, Иза обычно высказывала на улицу и ловила такси: «Прямо, пожалуйста!» При этом была уверена, что муж едет следом. Потом такси Владимира обгоняло беглянку и становилось поперек. Ревнивец вытаскивал Изу из такси, что-то объяснял шоферу, расплачивался и вез жену назад. Однажды в Изину машину ввалился какой-то парень и уселся прямо ей на колени. Высоцкий вытащил парня, пару раз хряснул дверцей по голове и аккуратно положил рядом с автомобилем. А однажды Владимир так увлекся слежкой за своей ветреной супругой, которая прогуливалась с подружкой, что им самим заинтересовался милиционер и задержал как подозрительную личность. Пришлось выручать...

Хватало и других приключений. Он же не был ангелом. «Как-то, – вспоминала молодая жена, – мне принесли его «бровнышком», а наутро, поднявшись, он попросил: «Изуль, дай шампанского». Не помню уж, какие пламенные монологи произносила. Он слушал-слушал, а потом сказал: «Изуля, ну ладно, только не сутулься». Для него самое главное было – распусти волосики, возьми кофточку и не сутулься, – говорила Иза. – Кофточку он мне подарил из американской посылки (кто-то получил), ни у кого такой не было – пуховая сиреневая кофточка. И вот жара не жара, а Володя за свое: «Возьми кофточку. И волосы надо обязательно распустить...»

А вот с деньгами было не ахти. «Женщина не должна занимать деньги. Пусть Володя попросит у меня, и я дам», – поучала Изу мудрая Гися Моисеевна. Вечером Иза поплакала в жилетку мужа: «Володя, нет денег». Жилетки, впрочем, тоже не было. Но он кротко пообещал: «Ничего, Изуля, добудем». «Как он добывал, меня это не очень интересовало, – признавалась она. – Вот какой он был муж! Он меня даже к портнихе возил. Помню, привез отрез – серебряный, под березку. А пальто кораллового цвета с начесом... Сам надел, сам обул, сам причесал...»

Потом взял и написал:

Одел, обул и вытащил из грязи...

А Иза горевала: «В семье не все было в порядке. Мы не могли... быть втроем – я, Володя и Нина Максимовна. В то же время я не имела права уехать, хотя это не значит, что мы тогда бы не расстались. Наверное, расстались бы. Но я со своим горем носилась, жалела себя. А ему-то каково было? За что он-то, брошенный? Вот это было мерзко и подло, но я тогда этого не понимала...»

Она так и не смогла простить бывшей свекрови, которая буквально встала на дыбы, узнав, что Изольда беременна: «Я не собираюсь становиться бабушкой!» Был страшный

скандал, после которого у Изы случился выкидыш. Много позже Нина Максимовна извинится перед бывшей невесткой.

Иза вспоминала грустные осенние дни 60-го года: «Сплошные огорчения. Мы пытались что-то сыграть с Володией, но у нас ничего не получалось, как не получалось танцевать или быть на людях рядом... Начались мои безработные муки. Володя маялся. Он получил обещанную ему центральную роль в «Свинных хвостиках», верил, что сыграет, фантазировал, но ему не дали даже репетиций. В конце концов ходил Володя из кулисы в кулису с барабаном в массовке. Позже сыграл Лешего в «Аленьком цветочке». Вот, пожалуй, и все. Было горько. Мы так наивно верили в святое искусство...»

Спустя год, весной 61-го, безработная, никому не нужная, обиженная на весь белый свет, непризнанная и разнесчастная Изольда отправилась из столицы искать свое актерское и житейское счастье в Ростовский театр имени Ленинского комсомола. Было ли это лучшим выходом? Для нее, видимо, да.

Аннапольская ясно видела, что в театре у ее протеже все пошло наперекосяк. Отношения с главным режиссером окончательно разладились. «Володя начал сильно пить, – вспоминала Светлана Ильинична. – И в этом в какой-то мере был виноват Борис Равенских... Он тоже почувствовал, какой у Володи большой потенциал. И сразу дал ему главную роль в чешской комедии «Свинные хвостики». Володя начал репетировать. Ну, не может все сразу получаться у молодого актера! А тут кто-то сказал, что на эту роль в Свердловске есть хороший комедийный актер Раутбарт... Равенских вызвал его, снял Высоцкого с роли и отдал ее Раутбарту. Мало того, он назначил Володю в массовку в том же спектакле. Высоцкий должен был играть в оркестре на огромном барабане. На премьере он напился. И, проходя по сцене, упал в оркестровую яму. Слава богу, музыканты подняли руки и удержали его. После этого Высоцкий называл Равенских не иначе как «фюрером»...

От увольнения молодого актера тогда спасла Фаина Георгиевна Раневская. Позже она рассказывала: «Прихожу как-то в театр, на доске объявлений приказ: «За опоздание на репетицию объявить выговор артисту Высоцкому». Прихожу второй раз – новый выговор, в третий – опять выговор. Посмотрела еще раз на эту доску: «Господи, да кто же это такой, кому объявляют бесконечные выговоры?!» Стоявший рядом юноша повернулся ко мне и сказал: «Это я». Смотрю, стоит передо мной мальчик-малышка. Говорю ему: «Милый мой, не опаздывай на репетиции, а то тебя обгадят так, что не отмоешься». А сама отправилась хлопотать за него к главному режиссеру.

Хотя и о Борисе Равенском, и о тогдашнем Пушкинском театре великая актриса отзывалась далеко не лестно: «Это не театр, а дачный сортир. Туда хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости – рвать зубы». Но с тех пор прима театра стала Высоцкого опекать, и каждый раз в неприятных ситуациях брала за руку и шла с ним по кабинетам начальства, уговаривая их сменить гнев на милость. Случалось, что и помогало...

Добрые отношения с Раневской у Высоцкого сохранялись долгие годы. Владимир познакомил Фаину Георгиевну с Мариной Влади, позже они не раз бывали у нее в гостях в знаменитой высотке на Котельнической набережной, навещали захворавшую актрису в больнице, передавали гостинцы. После его визитов Фаина Раневская с гордостью говорила подругам: «Он был у меня. Он – личность».

А когда Высоцкого не стало, великая Раневская рыдала: «Мне так стыдно... Володи нет, а я жива! Ну где же справедливость?! Мне уже тыща лет! А он ушел так рано!»

За столом на «девятинах» Высоцкого Елизавета Моисеевна Абдулова-Метельская, вечная «Елочка», называла Фаину Георгиевну «крестной матерью» знаменитой «Баллады о детстве». Когда-то Владимир стал рассказывать ей о своем военном детстве, как «плевал он – здоровый трехлетка – на воздушную эту тревогу», как «маскировку пытался срывать я», как «возвращались отцы наши, братья по домам – по своим да чужим...», Раневская так

разволновалась, что тут же попросила: «Володя, еще раз!» – «Фаина Георгиевна, второй раз так не получится». – «Все равно что не получится, я хочу еще раз послушать... Напиши, напиши песню!» Он сказал: «Я подумаю...»

А молодежь в театре в Высоцком и вовсе души не чаяла. Надежда Моисеева, работавшая гримершей в Пушкинском, с громадным удовольствием вспоминала, как «после каждого спектакля мы брали гитару, покупали вино и ехали на городской бульвар или к кому-нибудь домой. У меня дома компании подолгу засиживаться не удавалось. Мой отец был очень суровый, в десять часов всех выгонял. Ему не нравилось, что артисты шумели, выпивали, а порой и скандалили. В тот период театр был очень пьющий...»

Благодаря ей Высоцкий превращался то в Бабу-ягу, то в Лешего. Других ролей у него тогда попросту не было. Поглазеть на процесс гримирования Владимира собирались все молодые актеры. После Моисеевой он сам брался за работу и дополнял грим своими яркими штришками, что-то подклеивал, напяливал на себя какие-то одежды... Спешить домой ему было не к кому.

Владимир еще пытался как-то склеить рушащиеся брачные узы: бывало, прилетал, случалось, приезжал в Ростов-на-Дону (однажды даже на крыше вагона). И один, и с друзьями. Как всегда, пел, шутил, балагурил, очаровывая окружающих. Всех поражал своей щедростью. «У него все – на раздачу, – сокрушалась жена. – Мы как-то с Ниной Максимовной купили ему дюжину рубашек, все было моментально роздано. Он уезжал в новой, а приезжал в чьей-то старой...»

«Володя, – рассказывала Иза, – всерьез строил планы театрального завоевания Ростова. Помню его письмо: «Все телевидение будет наше!» Он собирался работать в нашем театре, и главный режиссер «Ленкома» Константин Христофорович Шахбазиди что-то, по-моему, предусмотрел для Володи при распределении ролей на спектакль «Красные дьяволята».

Перекрестимся, что эти прожекты так и остались в головах. Иначе, кто знает, говорили ли бы мы сейчас о Высоцком как о Высоцком.

Итак, что «любовная лодка разбилась о быт»? А может быть (и даже наверняка), были и иные причины. Как с той, так и с другой стороны. К чему теперь судить, *«по чьей вине, по чьей вине?»*.

Сама того не желая, Иза (так и оставшаяся по паспорту Высоцкая) своими воспоминаниями о супружеских днях выдает себя с головой: «...Трудно себе представить, какой это был кошмар – первые Володиные шаги в постижении игры на гитаре. Часами он мог сидеть, выбивая всего лишь ритм, и заунывно тянуть одну и ту же цыганскую песню, где были такие «бессмертные» слова: «ны-ны-ны, есть ведро, в нем нет воды, значит, нам не миновать беды». Это была в ту пору его песня-конек, которую кто-то показал ему, как надо исполнять. Только когда по ночам зудело его бесконечно «ны-ны-ны», мне на самом деле начинало казаться, что беды какой-то точно не избежать... Он мучил меня своим бреньканьем. Песням, которые он тогда сочинял, я не придавала никакого значения и время от времени злилась, что гитаре достается больше внимания, чем мне...»

Правда, на всякий случай, уточняла: «Я, как примерная супруга, приносила ему кофе и старалась не мешать его упражнениям...» И простодушно признавалась: «Я не придавала никакого значения этим песням, они для меня были каким-то терзанием. Куда бы мы ни приходили, начинались эти песни. Причем люди их слышали впервые, а я их слышала в сто первый раз! По-моему, иногда даже поднимала бунт... Мне казалось – нельзя заниматься никакими песнями! Надо заниматься только женой! В те годы мне так казалось...»

Плюс ко всему бдительные «доброхоты» не дремали. Оперативно донесли Изе в Ростов «все-все-все»: про его съемки в Ленинграде в фильме «713-й просит посадку» и про девушку Люсю, естественно, тоже. «Моя московская подруга, – грустила Изольда, – сообщила мне,

что некая Люся Абрамова беременна от твоего Высоцкого. Я немедленно позвонила ему, а он мне наврал. Сказал, что свято хранит верность...»

Так, в расстроенных чувствах и с камнем на сердце Иза, *«собрав вещички и закрыв кавычки»*, укатила из Ростова в другой, не менее крупный российский театральный центр – город Пермь.

Это ныне на вопрос о причинах расставания с Высоцким Изольда Константиновна кротко отвечает: «Честно говоря, я и сама не знаю. Нет конкретной причины. Расстались, и все. Наверное, это судьба: встретились, какое-то время побыли вместе и пошли дальше, в другую жизнь... 4 августа 1963 года я родила девочку. Она прожила три дня и три ночи. Жить было незачем...»

Хотя близкие друзья поговаривали, что даже спустя годы в своей скороспалительной женитьбе Высоцкий прежде всего винил мать, которая, даже не успев толком разглядеть Изу, тут же стала уговаривать своего непутевого сына остепениться и брать в жены эту славную девушку.

Но, может быть, юноша женился от одиночества, недостатка тепла, нестерпимого желания поскорее стать наконец самостоятельным, взрослым, избавиться от прилипчивого, пусть дружеского, но обидного прозвища Шванц («хвостик»). Тем более перед глазами были убедительные примеры душевного и прочего благополучия окольцованных друзей с Большого Каретного.

Напомню, роман Владимира и Изы начался в 57-м. Спустя десяток лет, весной 1967 года, из-под пера поэта появились строки:

...Я женился с завидной поспешностью,
Как когда-то на бабушке дедушка.
Оказалось со всей достоверностью,
Что была она вовсе не девушка...

Дальнейшая судьба Изы Константиновны в профессиональном смысле сложилась как будто бы благополучно. Все-таки до звания «заслуженный артист» ее бывший супруг так и не дослужился, а вот ей удалось! А позже даже до народной... Для этого, правда, пришлось изрядно поскитаться по провинциальным театрам.

В 1965-м у нее родился сын, назвала она его Глеб. Фамилия мальчика – Высоцкий. «Но мой сын – не от Володи!» – клялась Иза.

Чтобы разыскать Изу и развестись с ней для официального оформления брака с Людмилой Абрамовой, Высоцкому пришлось приложить немало усилий. Впрочем, Иза в затянувшейся процедуре бракоразводного процесса винит Владимира: «Я не могла... прописаться, потому что нам с Володей никак не удавалось оформить развод – он все время терял документы... Мы с ним встречались, общались, но не получалось... добраться до загса. И только в один из приездов мы, как лучшие друзья, взявшись за руки, сходили и развелись...»

В Москве бывшие супруги редко, но все же встречались. В основном дома у студенческой подруги Изы Карины Филипповой. Порой Высоцкий приглашал Изу на свои выступления. В августе 1970 года, когда Владимир Семенович уже набирал высоту, был популярен и, по ее понятиям, всемогущ, Иза обратилась к нему за помощью в решении каких-то актерских проблем своего нового спутника жизни. (Впрочем, эта ее просьба Высоцкого ошарашила и даже очень расстроила.)

С нескрываемой ревностью Изольда Константиновна как-то обмолвилась: «Когда мы расстались, у меня было такое ощущение, что его женщины должны быть очень счастливы. Потому что у него был дар – дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно. То есть обычный будничный день не мог пройти просто так, обязательно должно

было что-нибудь случиться. Вот даже такое: он не мог прийти домой, чего-нибудь не принеся. Это мог быть воздушный шарик, одна мандаринина, одна конфета какая-нибудь – ну, что-нибудь! – ерунда, глупость, но что-то должно быть такое. И это делало день действительно праздничным. И потом, он тоже умел всякие бытовые мелочи: выстиранную рубашку, жареную картошку, стакан чаю – любую мелочь принимать как подарок. От этого хотелось делать еще и еще. Это было приятно...»

Словом, ни единой строкой он не лгал в своих стихах:

Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной...

В последний раз они встретились в 1976 году. Иза приехала в Москву. Владимир Семенович предложил: «Пойдешь на «Гамлета»?» Знакомые стали отговаривать: ну куда ты пойдешь?! Он на «Мерседесе», а ты в таком виде в калашный ряд!.. Видок у нее в тот день впрямь был непрезентабельный: свитер-самовяз, брюки за пять рублей, туфли невозможные.

Но когда подъехали к театру, Высоцкий выскочил из машины и, не обращая внимания на крики толпы: «Володя!», «Высоцкий!», «Владимир Семенович!», потащил ее к служебному входу и пристроил у вахтерши: «Посиди, сейчас билет принесу».

После было три концерта в Коломне. Они пробивались сквозь толпу в грим-уборную, где уже были приготовлены бутерброды, чай, кофе, пирожные. «Какие, Владимир Семенович, просьбы?» – «Только одна. Устройте Изу поудобнее». На нее посмотрели подозрительно и озабоченно и увели в переполненный зал. С грехом пополам усадили в центре дополнительного ряда прямо перед сценой. «Володя выходит, – вспоминала она, – и я оказываюсь у него в ногах, запрокидываю голову, чтобы видеть его, и растворяюсь в общем порыве любви. Перерыв между концертами минут десять, не больше. Мы снова одни. По просьбе Володи к нам никого не пускают. Володя кормит меня, сам съедает несколько ломтиков колбасы, прихлебывает кофе и поет мне... Второй и третий концерты я слушаю за кулисами, где мне поставили стул. Володя поет другие песни, почти не повторяясь, и ставит микрофон так, чтобы мне было лучше видно. – «Тебе удобно?» Я плачу, не скрывая слез...»

Давно я понял: жить мы не смогли бы,
И что ушла – всё правильно, клянусь!
А за поклоны к праздникам – спасибо,
И за приветы – тоже не сержусь.
Твой бывший муж, твой бывший кровопийца.
А знаешь, Маша, знаешь – приезжай!

Как-то они встретились на дне рождения Семена Владимировича Высоцкого. Владимир был в черном лайковом пиджаке. Иза не удержалась, съехидничала: «Володька, ты как черный таракан». Он не обиделся: «Щас сниму». Предлагал ей деньги, она отказалась, сказала: ни в коем разе.

Вот и вся история. «Я – бывшая жена, – подводила горькие итоги Иза Константиновна. – Вот уже жизнь подходит к концу. Ни мужей, ни мужчин давно уже нет. А Володя – это Володя... Если бы не было песен, ролей, а он был просто Володя, просто актер, он для меня все равно бы остался самым значительным из всего, что произошло в моей жизни... Володя был танк».

«Роман случился просто так, роман так странно начался...»

На старте 60-х перед Высоцким медленно, со скрипом, но начала отворяться дверца, за которой таился мир кино, что в итоге сыграло значительную роль в его биографии, и не только творческой.

Приглашение попробоваться на роль бравого монтажника со странным именем Софрон в фильме «Карьера Димы Горина» он воспринял как подарок судьбы. К тому же молодым режиссерам удалось заполучить на главную роль саму Татьяну Конюхову, при появлении которой на экране юные девицы млели от восторга: «Умираю... Конюхова!!!» А Высоцкий был горд тем, что еще первокурсником в 1956 году принимал участие в массовке в картине «Разные судьбы», где Татьяна, как всегда, блистала в главной роли. Доступная и недостижимая, как позже оценивал ее проницательный критик Виталий Вульф.

«Карьера...» началась с киноэкспедиции в лесах под Ужгородом. На первых порах, вспоминала актриса, Владимир панически робел перед ней, живой знаменитостью, смущался и оттого непрерывно острил. Да и вообще, Татьяна была лет на семь старше этого мальчика, что представляло разницу почти катастрофическую. К тому же...

«Я сидела в гримерной перед зеркалом, настроение у меня было ужасное, – вспоминала Конюхова, – потому что я узнала, что я не в форме, в положении. Неожиданно для себя выяснила... Самочувствие мое было ужасное. И вдруг в зеркале я увидела молодого человека, который сидел тихонечко в уголке. Сначала вошла шумная такая компания, они вели себя точно так же, как в фильме. Это были молодые строители, громко говорящие, хохочущие... Потом как-то эта толпа рассеялась, и я встретила глазами с молодым человеком, который сидел, внимательно на меня смотрел и перебирал пальчиками струны гитары. А я с детства обожаю гитару, и это, в общем, меня как-то немножко успокоило. И вдруг он задал мне вопрос: «Танечка, а почему вы никогда не заходите к нам в гости?» Вот мы, дескать, после съемок собираемся, поем...»

Звезда экрана недолго думая ответила:

– Вы знаете, Володечка, я как-то не очень люблю блатные песни.

Сказала и тут же пожалела об этом: он как-то сжался весь, как от удара...

Но сам Высоцкий об этом эпизоде не вспоминал, зато частенько рассказывал, как «на второй съемочный день... я должен был приставать к Тане Конюховой. А я был тогда молодой, еще скромный. Но это не значит, что я сейчас... Я тоже сейчас скромный очень... Я режиссеру говорю: «Я не буду, я ее так уважаю, она такая известная актриса. Как это я буду пытаться ее обнять? Может, что-нибудь я другое сделаю? Как-то все это мне...» Он говорит: «Да брось ты дурака валять... Ты – взрослый человек. Читал сценарий? Что ты, в конце концов?!» Я говорю: «Ну, не могу. Ну, серьезно, не лежит душа у меня. Может быть, я ей что-нибудь скажу лучше?» Мне Таня Конюхова и говорит: «Да ну, перестань, Володя! Ну... Смелее! Ну что ты?» Я долго отнекивался, наконец согласился. И это было очень приятно».

Встречаясь со студентами Усть-Каменогорского строительного-дорожного института, скромный исполнитель роли Софрона дополнил свой рассказ некоторыми деталями: «А когда я ее пытался обнять, это все видел в маленькое окошко Дима Горин. И когда остановилась машина, он, намотав предварительно кепку на кулак, должен был бить меня в челюсть. Теперь начинается самое страшное. В кино – это самый реалистический вид искусства – все должно делаться по-настоящему. Экран большой, лицо громадное – метра три величиной. И поэтому, если вы не донесете кулак до лица – сразу видно... Так вот, все делается по-настоящему... Эту сцену мы снимали девять дублей подряд, потому что шел дождь, и все

время у оператора был брак... Поэтому я действовал по Евангелию – подставлял другую щеку, чтобы не распухла одна сторона лица больше другой».

Позже судьба разбросала Конюхову и Высоцкого в разные стороны лет эдак на пятнадцать. Но при случайных встречах они искренне радовались друг другу.

– Володечка!

– Ой, Танюша! Здравствуй! Как дела?

– Да нормально. Володечка, я так хочу увидеть тебя в роли Гамлета! Ну пригласи меня, пожалуйста. Я знаю, что к вам, на Таганку, не попасть...

– Хорошо, хорошо, обязательно.

Последний раз – мимолетно, на бегу, в 80-м в Останкинском телецентре. Нечаянно столкнувшись, Конюхова вскрикнула:

– Володечка!

«От неожиданности вскрикнула, – рассказывала она. – Было такое удивление... Я слышала уже, что он очень тяжело болен, что у него симптомы какого-то заболевания, печени или что-то еще, какие-то слухи по Москве ходили, что он уехал и больше не придет... Он поворачивается... И он мне показался таким маленьким, щупленьким, худеньким, цвет лица меня поразил, землисто-желтого какого-то цвета, и еще это солнце... А я вроде такая здоровая тетка... И в его глазах засветились вот такие огоньки, засверкали: «Моя маленькая!» – и пошел так с распростертыми объятиями, мы так обнялись... А в это время меня за шиворот уже тянут: давай, Таня, опаздываем! А я к нему: «Володечка, Володечка, будь счастлив, дорогой, я тебя так люблю, я тебя так люблю!» И с этими словами я убежала...»

* * *

В том же 1961 году – благодаря кино! – случился молниеносный, как, впрочем, и многое другое в жизни Высоцкого, роман с Людмилой Абрамовой, будущей матерью двух его сыновей.

Вечный второй режиссер «Ленфильма» многоопытная Анна Давыдовна Тубеншляк десантировалась в Москву в поисках актеров для будущего фильма «713-й просит посадку». Просматривала картотеки на студиях, ходила по театрам. В Пушкинском обратила внимание на молодого актера: «У него было очень любопытное, неординарное лицо». Познакомились, обменялись координатами, условились о вызове на пробы. Правда, народный и всенародный мэтр театра и кино Борис Чирков, работавший тогда в Пушкинском, довольно скептически отнесся к ее выбору:

– Смотри, Аня, натерпишься с ним. Хотя парень и одаренный.

Но Анна Давыдовна все же отстояла свой выбор. Летом Высоцкий был вызван на пробы в Питер. А в начале осени – уже на съемки.

Только на какие шиши? Спасибо, Аркан Свицерский выручил – раздобыл денег на поездку. Проводы устроили дома у Кохановского. После застолья всей компанией отправились на Ленинградский вокзал. Всем им ужасно нравилось, что друг их едет не просто так, а в **киноэкспедицию**. Звучит!

В окне вагона Миша Туманишвили сразу заметил красивую молодую женщину. Толкнул локтем приятеля: смотри! Тубеншляк, которая отправляла «своих» в Питер, подсказала: это тоже актриса, Люся Абрамова, будет сниматься в «713-м...». Миша возьми да и ляпни в шутку: «Смотри, Вовка, чтобы эту девочку из Ленинграда обязательно привез!»

Впрочем, Люся, девушка гордая и независимая, к мужским знакам внимания давно привычная, глаз поднять на подвыпившую компанию не пожелала. И позже говорила: «Если верить тому, что Володя видел меня на вокзале в Москве и запомнил, – он-то знал... А я не знала».

По свидетельству Свидерского, дальше события на вокзале развивались по стандартному сценарию. Кохановский рванул в привокзальный буфет за «посошком». Пока гонец отсутствовал, в купе травили анекдоты, расчехлили гитару и совсем уж кстати вспомнили старую, еще довоенную песню легендарного Максима, по которой Бориса Петровича Чиркова все узнавали и пускали всюду.

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть!

А Кохановский словно сгинул. Когда любопытствующий Аркадий Свидерский выглянул в коридор, проводница его «успокоила»: «Милый, да мы уж полчаса как едем...»

В поезде свидание Владимира с Люсей, к счастью, не состоялось. Почему «к счастью»? А то вроде неизвестно, чем обычно заканчиваются подобные знакомства – по окончании пути обязательно возникает обоюдное жгучее желание поскорее, раз и навсегда распрощаться. С попутчиком. И с попутчицей.

...Увидев Люсю Абрамову на съемочной площадке, постановщик «713-го...» Григорий Никулин сразу оценил профессионализм Тубеншляк: то, что нужно! «Была необыкновенно красивой, – позже вспоминал он, – с огромными, от переносицы до ушей, серо-голубыми глазами...»

Молодая изящная актриса, «мисс ВГИК», конечно, сразу попала в поле зрения олокиношных питерских сердцедедов. Вокруг нее образовался круг «постоянных друзей-поклонников»: кинодраматург Александр Володин, художник Гера Левкович, молодой актер Володя Карасев. Они были галантными, остроумными, талантливыми и, конечно же, нищими.

11 сентября 1961 года, выложив последние рубли официанту «восточного зала» ресторана в «Европейской», кавалеры проводили очаровательную московскую гостью до гостиницы «Выборгская», а сами, опаздывая на последний перед разводом неских мостов трамвай, пересчитывали копейки...

У входа в гостиницу Людмила столкнулась с изрядно подвыпившим парнем: «И пока я думала, как обойти его стороной, он попросил у меня денег, чтобы уладить скандал в ресторане. У него была ссадина на голове, и, несмотря на холодный, дождливый ленинградский вечер, он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь...»

Сердобольная Люся подошла к администраторше, но та, конечно, отказала, мол, дашь денег, а потом ищи-свищи. Обратилась к знакомым по киногруппе – все на «бобах» – у самого «состоятельного» Левы Круглого в кармане оказалась трешка... У Кости Худякова – рубль с мелочью. Тогда Люся с трудом стащила с пальца золотой с аметистом перстень (бабушкин, фамильный!) и отдала страдальцу, который по-прежнему мерз у ресторана. Он отнес перстень мэтру, предупредив, что завтра его непременно выкупит.

Преисполненная собственным благородством, чувством сострадания и долга, Люся побрела к себе на 3-й этаж. А вскоре раздался настойчивый стук в дверь, и в ее «келию» ввалилась счастливая «жертва» ресторанного скандала. С гитарой и бутылкой коньяка под мышкой.

– Сдача, – объяснил он и, как бы извиняясь, пожал плечами.

И тут же начал петь. И «Постой, паровоз!», и про Колыму, и про Таганку. И даже развеселые куплеты «Вышла я да ножкой топнула...» – все пел как нечто трагическое, на последнем дыхании. Еще секунда, думала она, и он умрет. Еще ничего не зная о нем, она поняла:

это что-то совершенно необыкновенное. Этот человек способен совершить немыслимое, непредсказуемое, запредельное...

Им не захотелось расставаться.

– Выходите за меня замуж!

– Я согласна...

Она даже не спрашивала, кто он и откуда. Именами обменялись уже под утро. Вместе вышли из гостиницы, и оказалось, что им по пути, бросились к одному трамваю, доехали до одной и той же остановки. Подошли к проходной студии «Ленфильм», достали пропуска. Он удивленно спросил, из какой она группы. Люся ответила: «713-й...», Высоцкий остановился как вкопанный...

Вечером Люсино кольцо было выкуплено и вернулось на изящный палец законной владелицы.

На первых порах все в киностудии были убеждены, что именно режиссер Никулин положил глаз на Люсю и никому ее не уступит. «А когда я узнала, что у Люси роман с Володей, – признавалась Людмила Шагалова, – я обалдела: «Что, она не могла себе найти кого-то поприличнее? Ну и видок у него! Настоящая шпана!» Как-то вечером собрались у него в номере. Что-то отмечали. Пили вино. Высоцкий не производил на меня никакого впечатления, вел себя как мальчишка... Чего нельзя было не отметить, так это его музыкальности. Володя пел какие-то песни, не свои, своих у него еще, по-моему, не было. Михаила Ножкина пел – «А на кладбище все спокойненько...» Но когда начинал петь, преображался. Однажды что-то запел на английском языке. Английский-то я немножко знаю, а тут ничего не разобрать, абракадабра какая-то! «Володь, признайся, это же не по-английски». Высоцкий рассмеялся: «Нет, конечно... Но правда ведь похоже?» – «Очень».

Свои «лингвистические» способности Высоцкий позже успешно использовал как раз в дуэте с Шагаловой. Обычно актеры обедали в ресторане в зале для интуристов. Но однажды сунулись – не пускают! Помог реквизит: Владимир был в форме моряка американского 6-го флота, Шагалова в накидке из чернубурки. Подошли ко второму входу в ресторан, при этом Володя что-то лопотал на своем «английском», а Шагалова уверенно поддакивала спутнику: «Yes!» Их усадили за столик, проявив при обслуживании максимум российского гостеприимства. Высоцкий, увидев рядом иностранцев, завелся: «Я им сейчас спою!» И выдал свою абракадабру под Армстронга, потом начал что-то им лопотать. Те закатывали глаза, извинялись: «Sorry!» А Высоцкий был доволен: «Теперь они будут долго разбираться, что к чему».

К тому времени Людмила Александровна уже была заслуженной актрисой, лауреатом Госпремии. И ее, естественно, шокировал (и даже оскорбил) простодушный вопрос Высоцкого: «А вы уже где-то снимались?» Это она-то! Едва сдерживаясь, Шагалова холодно ответила:

– Да, в «Молодой гвардии», например.

– А я не видел эту картину. А кого вы там играли?..

А ей же казалось, что не было в стране человека, который бы не видел на экране молодогвардейцев, ее Валерии Борц. А вот Высоцкий не видел, ну что тут поделаешь?..

Люся с Володей, уже ни от кого не таясь, жили в одном номере. В свободное время гуляли по городу. С аппетитом поглощали «кривые» (некондиционные, отпускавшиеся за полцены) пончики в ближайшей столовке. В заведении классом повыше, защищая честь своей дамы, Высоцкий буквально летал по ресторанному залу, расшвыривая ненавистных соперников. А восхищенные музыканты стояли на сцене и аплодировали. Победителю схватки выставили весьма приличный обед.

«Люду он очень ревновал, – вспоминал Никулин. – К любому. А выражалось все это в том, что он был жесток. Если он видел, что она не так на кого-то посмотрела или не то сказала... Володя был парень жестковатый, он мог ей и врезать».

Неразлучной паре в киногруппе покровительствовали. Актер Ефим Копелян водил их на свои спектакли в БДТ. И из-за кулис они любовались «Скованными одной цепью». Консультант фильма – летчик Спартак Гриневич в обход авиакасс обеспечивал им места в своей кабине, доставляя на однодневную побывку в Москву...

А вскоре Анатолий Утевский получил от друга телеграмму из Питера: *«Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза вск»*. Утевского Владимир позже представил Люсе как старшего брата.

Хотя, конечно, далеко не все обстояло гладко. Тем более когда Люсе необходимо было по делам отлучаться домой. И тотчас в гостиничном номере Высоцкого, словно услышав звук боевой трубы, собирались друзья, «походные» приятели – Игорь Пушкарев, Саша Стрельников, которые снимались тут же, на «Ленфильме» в так и несостоявшемся фильме «Самый первый». Болтали, пели, пили... Одна из таких посиделок оказалась особенно яркой. «День открытия XXII съезда КПСС, – запомнил Пушкарев. – Потому что накануне вечером я в милицию угодил...»

Он задержался на съемках. А когда в номере появился «самый первый», то пришел в ужас: «Сквозняк! Фрамуга открыта. На столе – принесенная из ресторана еда в железных тарелочках: сардельки, горошек, еще что-то. Водка. Володя сидит в кресле, глаз у него зеленый и стеклянный... Смотрит он этим стеклянным глазом на меня, не мигая. Я понял: спит! Сашка пытается забраться на кровать... Подхожу к столу, наливаю водяру в «станкач»... беру сардельку. Только начал пить – скрип двери...»

В номере появились администратор и дежурная по этажу в сопровождении милиционеров. Пушкарева взяли под локотки и препроводили в участок. Оказалось, что в ожидании приятеля и дам Высоцкий и Стрельников несколько перестарались со спиртным. И, обидевшись на запаздывающих, стали выбрасывать в окно «лишние» тарелки. Бросали метко... Когда все разъяснилось, Пушкарева отпустили.

Закончилось все прозаично: «Высоцкий и Стрельников как ни в чем не бывало сидят за столом, водку разливают по стаканам. Володя оборачивается: «Твою мать, где ты ходишь! Мы тебя два с половиной часа ждали! Где ты ходишь, б...?!» Рассказываю, как дело было, а они мне не верят!.. После этого случая администрация гостиницы долго не селила киношников...»

Пушкарев не отрицал: «Сошлись мы как «ходоки» – любили женщин и веселые компании», что подтверждалось позднее и поэтическими «показаниями»:

Меры в женщинах и в пиве
он не знал и не хотел...

«Чаще всего они, женщины, имели отношение к «Ленфильму»: художницы, костюмеры, ассистенты режиссера, вторые режиссеры, – рассказывал Игорь. – Среди них были и состоятельные дамы. С отдельными квартирами. По тем временам – показатель благополучия! А у некоторых даже – в ту пору большущая редкость! – машины! И с шикарными машинами попадались женщины, с такими как «Победа». В конце рабочего дня у студии нас с Володей какая-нибудь машина поджидала. На «Победе», помню, ездили куда-то в сторону Нарвы. Много раз бывали под Ленинградом на чьих-то дачах. К морю, к скалам на Карельский перешеек выезжали... Сумерки, наверное, октябрь, – холодина! – я купаюсь в море (я физически покрепче Высоцкого, позакаленнее был), а Володя поет. Петь ему нравилось, стоя на каком-нибудь камне, чем он как бы компенсировал свой невысокий рост. В тот раз Володя пел какую-то абракадабру, имитируя пение англо-американских певцов...»

* * *

По окончании съемок в Москву Люся и Владимир возвращались вместе. Лена Щербинская, двоюродная сестра, а точнее – самая задушевная подруга Люси, сразу примчалась к ней в гости на Беговую, где в двухкомнатной квартирке обретало сразу три поколения Абрамовых – дедушка с бабушкой, сестра бабушки Аллочка, мама и, естественно, любимая дочь. Дед был известным специалистом в области энтомологии, профессором, руководил лабораторией по защите растений от вредителей, а заодно слыл крупным знатоком восточной культуры, переводил научные труды с фарси. Бабушка – Евгения Евгеньевна (кстати, единственная из всей семьи сразу и безоговорочно принявшая и понявшая Владимира) занималась переводами Киплинга. А папа – Владимир Аркадьевич, главный редактор издательства «Химия», в основном пропадал у своей тяжело хворавшей матери.

У Люси был выгороженный уголок – подобие своей «комнаты», в которой кухня, собственно, и познакомилась с Высоцким: «Он держался очень просто, одет был бедно: старенький свитер, простенький пиджачок. Он играл на гитаре и пел «Вагончик тронется...» Пел здорово – мурашки по коже! Общаться с ним оказалось сразу очень легко, так, словно давно уже мы знакомы. Я поняла, что этот человек очень дорог моей сестре, и это с первой же встречи определило мое к нему отношение... Говорил простым, отнюдь не литературным языком, казался немного грубоватым, чем поначалу шокировал нашу «профессорскую» семью».

Люся старалась оправдать прохладное отношение родных к внезапно объявившемуся жениху: «Может быть, у них было какое-то тщеславие: я – студентка, снимаюсь в главной роли! Может быть, они ждали чего-нибудь необыкновенного... Человек высокого роста, в шикарном костюме придет с цветами и сделает препозицию насчет их дорогого дитя... Отношения его с моими родными складывались далеко не идеально – безработный, пьющий, – но ему самый дух большой семьи с бесконечными семейными преданиями и легендами страшно нравился.

«Ты записываешь все это?» – спрашивал он. «Володя, я же и так помню...» – «Нет, записывай, забудется». – «Мемуары, что ли, писать?» – «Детям будешь рассказывать...»

Нина Максимовна Высоцкая к появлению Людмилы в качестве невестки тоже отнеслась весьма сдержанно. Хотя и признавала: «Действительно, она была красива». Но ведь сын-то официально еще был женат, разговоры пойдут...

Хотя в «довысоцкой» биографии Люси тоже имелся некоторый супружеский опыт. Пережив стресс после пылкой девичьей влюбленности, она в 10-м классе ушла из дома, перешла учиться в вечернюю школу, стала подрабатывать кем-то там во МХАТе и сняла комнату. От одиночества и безысходности позволила влюбиться в себя сыну хозяйки квартиры. Он был старше, завсегдатаем богемных вечеринок, атмосфера которых и помогла вскружить голову романтической Люсе. В 18 она вышла за него замуж. Впрочем, этот союз продлился недолго. Спустя три года она оставила мужа. Но разводиться они не спешили, отметка в паспорте не мешала – никто из них не собирался обременять себя новыми брачными узами. Стало быть, в том, что Владимиру Семеновичу в будущем пришлось усыновлять своих собственных сыновей, не только его вина. Только в 62-м, когда Людмила уже ждала первенца, в столице, прибыв с Дальнего Востока, наконец объявился ее официальный муж, и они быстро и спокойно развелись.

(Позже Людмила избегала публично называть имя этого человека. Между тем через десять лет Игорь Дуэль стал вполне состоявшимся очеркистом, печатался в популярных изданиях, в том числе в «Литературке». Писал о море, проблемах рыболовного флота, позже

набрел на неисчерпаемую, как нефтяная скважина, тему – топливно-энергетический комплекс, ну и так далее.)

А народонаселения на Беговой все прибавлялось – через два года после рождения Аркадия на свет появился второй сын – Никита. И бытовые условия стали ничуть не лучше, чем в общежитии. Поэтому молодые жили как бы на два дома – то у Абрамовых, то у Нины Максимовны, получившей наконец-то отдельную квартиру в Новых Черемушках.

Кстати, толком отметить премьеру фильма «713-й просит посадку» им так и не удалось. Отправившись на торжественный показ в кинотеатр «Москва», молодежь оставила девятимесячного Аркашу на попечение бабушки. «И внучек устроил мне такой концерт! – жаловалась Нина Максимовна. – Я пребывала в состоянии, близком к истерике. Пришлось позвонить в кинотеатр к администратору и сказать, что у них на премьере находятся двое актеров, Абрамова и Высоцкий, нужно их срочно найти и передать, чтобы они немедленно приехали домой!»

Как же потом ликовала бабушка Нина: «Они примчались как угорелые! Но этот буян уже спал крепким сном поперек большой тахты...» То, что праздник был скомкан, – дело, конечно, десятое.

Люсю и Владимира, кроме театра и кино, сближали и другие общие интеллектуальные интересы. Хотя бы та же научная фантастика, летающие тарелки, пришельцы, иные миры. Она даже помнила точную дату начала этого увлечения – 1962 год. Когда появился на свет Аркаша, молодой маме врачи посоветовали побольше читать легкой литературы. Отец принес в больницу сборник с романом братьев Стругацких «Стажеры». Вот с той поры и пошло... Позже даже подружились с авторами. Аркадий Натанович стал другом семьи. И даже имя своему сыну молодые родители дали в его честь. А младший брат Аркадия Борис, едва увидев Люсю, стал называть ее глаза «марсианскими».

Зная Стругацких чуть ли не наизусть, Людмила и Владимир, как в пинг-понг, обменивались репликами-цитатами. Люся начинала:

– «Женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами на Земле. Они знают что-то – то, чего не знаем...»

А Высоцкий, смеясь, заканчивал:

– «...мы, люди!»

Позже они познакомились с легендарным польским писателем-фантастом Станиславом Лемом, который, будучи в гостях у своей московской приятельницы Ариадны Громовой, изъявил желание встретиться с «коллегой по цеху», автором «Гимна космических негодяев», «Тау-Кита», «Пришельцев».

Правда, вечеринка у Громовой оказалась чересчур многолюдной, шумной. Желающих вживую пообщаться с «классиком жанра» было вдоволь. Высоцкий пел немного – больше слушал. А слушать он умел замечательно, подмечал один из участников застолья, драматург и большущий любитель «самодеятельной» песни Михаил Львовский: «Слушал очень цепко, как собака, которая сделала стойку на дичь».

Пан Станислав живо интересовался у очаровательной Люси:

– А что вы делаете в жизни, помимо того, что вы – жена Высоцкого?

– Призвание женщины – быть матерью. Я – за это. Я воспитываю своих детей. Это то, чем я занята в жизни.

Но поляк был въедлив, не отставал:

– Не хотелось бы вам, пани, вновь стать актрисой и работать в театре?

Люсе, безусловно, льстило такое внимание знаменитого писателя и философа. И она решила блеснуть:

– Я категорически против того, чтобы женщины играли в театре. Я за то, чтобы в театре, как во времена Софокла и Еврипида, играли одни мужчины: надевали женское пла-

тье, выходили на сцену, – это было прекрасно. Поэтому мне и в голову не приходит снова становиться актрисой...

Муж одобрительно кивал.

Порой Высоцкий просил, чтобы Люся читала ему вслух. «А еще любил, когда я решала кроссворды, – рассказывала она. – Хотя он разгадывал их намного быстрее меня... Память на события и факты у Володи была невероятная. Если он хотел что-либо вспомнить и у него это получалось с трудом, начинал нервничать, а в расслабленном состоянии память Володи фиксировала все с невероятной точностью: слова, жесты, интонацию – все это он мог повторить. Когда он писал песню, перебирал огромное множество рифм, какие-то формулировки, варианты, множество юридических терминов, редко употребляемых слов...»

Из-под земли она добывала ему нужную для работы литературу. Когда ему приспичило проверить, не ошибся ли он в каких-то мелочах в своей «Кассандре», Людмила подняла всех на ноги, но нашла-таки редкостную книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Воспитанная бабушкой на стихах Николая Гумилева, поэзии серебряного века, еще школьницей посещавшая занятия литературного объединения «Юность», сама писавшая стихи, Люся нередко становилась для мужа источником литературных открытий.

Но ведь не сами по себе появлялись из-под пера Высоцкого на случайных клочках бумаги строки:

Все нас из дому гонят дела, дела, дела...

Катастрофически не хватало денег. Он хватался за любое предложение подзаработать. Ездил с концертными бригадами, соглашался на самую ничтожную кинороль. Даже пытался где-то на стороне вести занятия в самодеятельном театральном кружке за жалкие гроши. Не выдержал и вскоре бросил.

И вот – просвет! Люся радуется: «Володю взяли в концертную поездку куда-то в Сибирь. Я страшно скучала, бегала с Аркашей на руках к Кочарянам – туда Володя мне звонил с дороги то из Барнаула, то из Иркутска. Из первой полочки прислал посылку: серые сапожки на меху, копченую рыбину, нельму, и китайскую баклажанную икру...»

Но вскоре написал: *«Пожалуйста, отдай маме мои 2 пары ботинок, пусть отдаст починить, а то ходить совсем не в чем. Пальто мне дает Толя, так что с этим все хорошо, а ботинок Толя не дает, у Толи нет ботинок, у него только пальто, и это плохо!..»*

Из поездок дисциплинированно отчитывался перед женой: *«Завтра 3 спектакля. Гоним рубли – разоряем Мосэстраду...», «Сегодня у меня 2 спектакля и 2 спектакля-концерта (есть у нас и такое). Читаю «Клопа» и тут же взмокийши бегу в другой театр на «Хвостики», и так утром и вечером...», «Совсем нет денег. Гостиницу мне не оплачивают полностью, и я доплачиваю рупь с чем-то. Уже много набежало...», «Вчера нам дали по 5 рублей квартирных...», «Деньги я передал, ты их, наверное, получила. Если мало, прости, больше нет...», «Безденежье, лапа, это плохо, но это временно...»*

Оставив побоку бухгалтерию, писал: *«Солнышко! Я бумаге не доверяю хороших слов. Читай их между строк! Люблю тебя! И как-то не так без тебя. Целую, малыш!.. Вовка», «И со мной ты! Ты тоже иногда вспомни...», «Любимый мой! Малыш! Я всегда тебя помню, думаю о тебе...»*

А потом Люся получает наконец долгожданное признание: *«Люблю. Я – Высоцкий Владимир Семенович, по паспорту и в душе русский, женат, разведусь, обменяю комнату, буду с тобой... 24 лет от роду. Влюблен. В тебя. Высоцкий».*

На всякий случай Владимир сообщал ей о своем безусловном благонаравии: *«Глядя на всех встречающихся мне баб, я с ними не якишаюсь, чужаюсь их и понимаю, лапочка, всю массу твоих достоинств и горжусь, что ты моя жена... Романов, повторяю, нет. Ни пла-*

тонических, ни плотоядных. Мне очень трудно, но я терплю и настоятельно рекомендую тебе то же самое...»

«Я – отшельник, послушник, монах. Нет! Просто я – отец Сергей. Пальца, правда, не отрубил – не из-за кого... Недавно принято было решение порадовать наших бабов 8-го марта капустником... Там есть такая песня:

Как хорошо ложиться одному —
Часа так в 2, в 12 по-московски,
И знать, что ты не должен никому,
Ни с кем и никого, как В. Высоцкий.

Правда, это я написал, но ты можешь судить по этому о моей отрешенности...

Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю так. Я считаюсь очень крупный специалист-песенник, во всех областях этого жанра: блатной, обыкновенный и Окуджавы... Идут пачками, мешают мыслить, учатся, переписывают, перенимают... Платные уроки сделали бы меня миллионером. Я стал бы богаче Шагаловой...»

А Люся потихоньку от родителей таскала книжки в букинистический: «Мильтона «Потерянный рай» снесла. С гравюрами Дюрера. Жалко было. Володя страдал от этого беспробудства еще больше, чем я. Скрипел зубами. Молчал. Запивал. Писал песни...»

Безысходные:

Сколько лет, сколько лет —
Все одно и то же:
Денег нет, женщин нет
Да и быть не может.
Сколько лет воровал.
Сколько лет старался!
Мне б скопить капитал,
Ну а я – спивался...

Своему доброму знакомому, спортивному телерадиокомментатору Яну Спарре признался: «Ян, я – сволочь, я знаю – денег у меня нет, но ты пойми, ну нет работы, но я же не могу пойти просить, унижаться. Ну, что-нибудь придумаю, придумаю, придумаю...»

И ведь придумывал!

Существовал в те годы новый источник «левого» заработка для артистов – так называемые квартирники, то есть частные концерты у кого-то на дому или на даче. Слушатели-зрители скидывались, отдавая деньги хозяину – где по пятерке, где по червонцу, что-то доставалось исполнителю. Высоцкий никогда не спрашивал: «А сколько вы мне дадите?» Дадут – слава богу! Не дадут – ну что ж...

На одном из таких «квартирников» Владимир познакомился с Людмилой Гурченко. После феерического триумфа «Карнавальная ночь» она неожиданно быстро превратилась в актрису вчерашнего дня: «В кино работы не было, а времени свободного – о-го-го сколько!.. Куда меня только судьба не заносила!»

Так и оказалась в шумной, разношерстной компании, в большой, красивой квартире, где хозяин устраивал вечера гастролеров-развлекателей. Потом рассказывала: «Высоцкий приехал с гитарой в сопровождении нескольких друзей. Хотя я уже знала, что внешне он совсем не такой, каким его представляла, у меня все равно была надежда, что я подсмотрю в нем особенное. Нет. Было разочарование. Но недолгое. Потому что, как только он поздоровался со всеми и перебросился несколькими словами с хозяином, он тут же запел. Пел, что

хотел сам. Пел беспрерывно. Казалось, для него главное – что его слушали. Слу-ша-ли! Впечатление было, как от разрыва снаряда. Да нет, если бы он не пел, он бы просто с ума сошел от внутренней взрывной энергии... Он не мог найти нужного равновесия из-за огромной внутренней непрекращающейся работы, когда нет сил (или времени?) посмотреть на себя со стороны. А вот так, будучи самим собой, – выпотрошенным, усталым, непарадным, – он, конечно же, рисковал многих разочаровать. Он все время был обращенным в себя и в то же время незащищенным, как на арене цирка. Чувствовал, что надо удивить, но одновременно понимал, что этого ему не простят... Тогда я попросила: «Но тот, кто раньше с нею был...» Потом его рвали во все стороны, что-то говорили, пожимали ему руки. Но были и лица равнодушные: «Ну и что тут такого?» О, сколько я видела таких лиц!..»

К счастью, случались и другие, более симпатичные аудитории. На встречу нового, 1965 года Владимир был приглашен к Андрею Вознесенскому. Помимо музы поэта Озы-Зои Богуславской, там присутствовали и Майя Плисецкая с Родионом Щедриным, балерина Катя Максимова с мужем Володей Васильевым. Высоцкий, «в обнимочку с обшарпанной гармошкой, – меня и пригласили за нее...», для моральной поддержки прихватил с собой друзей – Вениамина Смехова и Гарика Кохановского.

Носительница титула Божественной, Майя Михайловна была совершенно покорена Высоцким. Слушая его «Письмо на сельхозвыставку», она так хохотала, что молодой автор от смущения вынужден был прерваться. Задыхалась от смеха и восходящая звезда Большого театра Екатерина Максимова, сострадая герою ВДНХ, умолявшему невесту не писать ему про любовь, плакала от смеха. А Плисецкая решила не отставать и побаловала новогоднюю компанию озорными матерными частушками.

Была и радостная встреча с учеными Дубны. Петр Вегин по их просьбе организовывал там вечер молодой поэзии и выставку художников-авангардистов. Сбивая «бригаду», Петр вспомнил о Высоцком.

– Я без Кохановского не поеду, – твердо сказал Владимир.

– Годится.

– А Понтекорво¹ будет?

– И Понтекорво будет, и все остальные засекреченные! Все льют кипятком от желания увидеть и услышать нас. Дают два автобуса, гостиницу и жратву на два дня. Поехали?

– Поехали!

«И тогда, – рассказывал Вегин, – был первый, может быть, самый большой из тогдашних успехов Высоцкого. Он был этому очень рад...»

Они, молодые, рьяные, голодные и нахальные поэты и художники – Эрик Неизвестный, Борис Жутовский, Юло Соостер, Юра Соболев, Володя Янкелевский, Юрий Визбор, Юлий Ким – что ни имя – то ныне легенда! – оказались в «столице» ядерщиков. Кто с картинами, кто со стихами и песнями, кто просто с прелестными подругами. После выступлений дружной компанией они валялись на берегу неширокой тут Волги, ныряли, балагурили. Володя и Гарик с диким ором и плеском топили в волжских волнах привезенных подружек. Девки визжали, но им это жутко нравилось...

А вскоре, после очередного совместного выступления в каком-то НИИ угля, Вегин предложил: «Слушай, а давай ко мне, на Горького?.. Как говорится, с женой хоть познакомлю. Ты не особо спешишь?..» Высоцкий кивнул: «Не особо».

Увидев вегинскую Марину, он начал рычать на хозяина дома, что, мол, нехорошо – таких взаперти держать, да и песен его она наверняка не слышала. «Теща оторвалась от телевизора, что само по себе было подвигом, – вспоминал Петр, – и как-то в секунду все

¹ Понтекорво Бруно (1913–1993) – итальянский физик. В 1950 г. эмигрировал в СССР, академик АН СССР, лауреат Ленинской премии.

закрутилось, как бывает в московских домах, когда добрый гость на пороге, и стол вдруг накрылся, и рюмки зазвенели, и, не давая мне долго рассказывать о его песнях, Володя взял в руки гитару и, махнув еще рюмочку, чтобы легче пелось, расколол тишину прилегающих квартир на мелкие осколки. Пел он много и с какой-то ухарской щедростью, и соседи пришли послушать – «если можно», и теща до трех ночи не спала, как всегда, молодея в наших компаниях...»

Друзья старались хоть как-то помочь Владимиру в решении его перманентных финансовых проблем. Хотя сами «сидели на бобах». Главной пробивной силой являлся, конечно, Левон Кочарян, против авторитета, напора и обаяния которого редко кто мог устоять, – и он пристраивал своего горемычного друга в картины, в которых работал сам, или в киногруппы своих приятелей. Так Владимир оказался на съемках фильма «Увольнение на берег». И в Севастополе, в гостиничном номере Кочаряна он с утра до вечера записывал песни на магнитофон. Свои и чужие.

...После какого-то сборного концерта в клубе армии Наталья Кустинская заговорила с администратором. Выглядела девушка, конечно, блестяще: серебряный пиджачок, маленькая бархатная юбка, серебряные же сапожки. Стой себе в сторонке – и издали любуйся! Но Высоцкий все же подошел:

– Наташа, а вы уже выступили?

Она, можно сказать, только прибывшая из Франции, еще дышавшая парижскими туманами, медленно-медленно окинула взором невесть откуда взявшегося вчерашнего партнера по этому дурацкому фильму «Увольнение на берег»: маленький, неинтересный и одет неинтересно.

– Да, выступила. А что?

– Можно я вас провожу? – хорошо, что хоть не нахально предложил, а как-то застенчиво даже.

Наталья еще раз посмотрела на него:

– Нет, я не хочу, чтобы вы меня провожали. – И вновь обратилась к своему администратору.

Но краем глаза заметила, что Высоцкий смутился, сжался весь, повернулся и быстро ушел.

А спустя годы каялась: «Мне всю жизнь мешала моя красота... Знал бы Володя, сколько раз я потом об этом пожалела!.. Я не встречала ни одного человека, который бы не потерял столько, сколько я... Надо было ему сразу объяснить, что я тогда ехала в гости, где меня ждала большая компания, и Высоцкий бы там был совершенно неуместен. Но...»

«Кустик» (так звали ее друзья) рассказывала, что вместе с мужем – космонавтом Борисом Егоровым – позже частенько встречала Высоцкого в Доме кино. Борису он очень нравился. Но у них была иная компания. В то же время Наталья почему-то считала, что «Володя меня как-то очень хорошо чувствовал. Он не был рядом, но понимал меня, мои действия. Он понимал, что я в жизни поступаю честно и веду себя так, как я считаю нужным». Может быть...

Между тем, начиная со «Штрафного удара», в биографии Высоцкого наступил довольно продолжительный казахстанский период. «Во время съемок, – любил рассказывать вездесущий Игорь Пушкарев, – мы с Володей дали шороху на весь Казахстан. Еще когда мы ехали в Алма-Ату, у меня украли чемодан. Ехать трое суток, а выпить не на что... Володя скомандовал: берем гитару и идем по вагонам – с песней «Я родственник Левы Толстого»... Взяли шапку, сняли свои красивые свитера и надели чего похуже – одолжили у костюмерши... А потом группа нас бросила, до места съемок нам одним пришлось добираться пешком».

Еще во время съемок «Удара» молодой режиссер «Казахфильма» Анатолий Галиев искал москвичей принять участие в съемках его так и не состоявшегося в итоге фильма «По газонам не ходить». Но не до съемок, честно говоря, всем было. «Жили актеры в гостинице «Казахстан», – вспоминал Галиев. – Там же и девушки из ансамбля «Березка», приехавшие на гастроли. Дамскую часть нашей картины представляла актриса Тамара Кокова. В общем, ребятам было хорошо... Володя иногда пел в номере гостиницы. Потом Пястолову (директор студии) доложили, что вообще в гостинице происходят «разврат и всякое непотребство», и он выражал свое недовольство. Но никто их остановить не мог: какой, к чертям, «разврат», когда рядом живут целый ансамбль «Березка» и молодые мужики?!»

Когда к концу 64-го у Высоцкого начал складываться более-менее устойчивый статус актера в театре Любимова, он стал регулярно получать аж 70 рублей. Впрочем, эти деньги в основном уходили на няньку, нанятую Люсей для присмотра за детьми.

«Во-первых, я сама хотела постоянно быть рядом с ним, – говорила Людмила, – а вторых, и Володя в этом нуждался. А иногда в этом был смысл и для театра: я хоть как-то гарантировала, что Володя будет на спектакле, не опоздает и не пропадет».

Она прочно «прописалась» на Таганке. Бывала на репетициях, спектаклях. Всегда сидела в первом ряду, и, как говорили актеры, по выражению ее лица, а главное – по глазам – узнавали, как они сегодня работают. Борис Хмельницкий и вовсе высказывался поэтично: «Люся брызгает слезами нам на коленки». А Владимир порой считывал текст своей роли с ее губ.

Любимов чувствовал в Людмиле свою союзницу в непростом деле соблюдения трудовой дисциплины актером Высоцким. Он видел в ней и интересную актрису. Однажды даже предлагал поступить в труппу. Но не сложилось. А таганский «ветеран», задиристая Таня Жукова, Высоцкому лягнула: «Во, делов-то! Я разве виновата, что оказалась талантливее твоей жены Люськи?!» Хотя, возможно, идея Юрия Петровича Владимиру самому не очень-то легла на душу: спрашивается, на кой ему присутствие недремлющего ока и днем и ночью, и дома и на работе?..

* * *

В очередной раз проявил организаторские свои способности верный друг и покровитель Левон Кочарян – уговорил режиссера картины «Стряпуха» Эдмонда Кеосаяна взять Владимира на съемки: нельзя бросать талантливого парня на произвол судьбы, он и так чувствует себя одиноким, всеми забытым. Молодой режиссер поднял руки и сдался: как скажете, Левон Суренович. И Владимир безропотно отправился на Кубань.

Роли своей – разудалого тракториста Андрея Пчелки – да и самого фильма Высоцкий попросту стеснялся. Другу Кохановскому сообщал: *«Ничего, кроме питья, в Краснодаре интересного не было, стало быть, про этот период – все»*. «Он тогда, – деликатно рассказывала исполнительница главной роли Светлана Светличная, – чуть-чуть попил больше чем нужно. К съемкам мы его отхаживали кислым молоком... Володя иногда проводил вечер до утра, он же везде был желанным гостем... А утром его не было, а были ранние съемки на восходе, а мы не знали, в каком доме он гулял. Потом он убежал, потому что ему было стыдно, что он сорвал съемку. Он был очень одинок, песни, он – и все... С Володей мне всегда было очень легко работать. Я думала, что лучше бы у меня не Савкин был партнером, а Володя. От этого картина выиграла бы. Тогда можно было поверить, что стряпуха любила его, что она огрела его, а он пришел-таки к ней. Это больше ложится на Володину фактуру, на его голос. Это было бы, как Жан Габен и красивая женщина... А его красили перекисью, хотели сделать его блондином...»

Но самое ужасное – создатель фильма украл у Высоцкого голос! Как рассказывала участница картины Валентина Березуцкая, «режиссер не дал нам, поющим артистам, исполнить песни. Мы только рты под «фанеру» разевали. Володя Высоцкий тоже хотел сам спеть, но ему не дали. Фонограмму записали заранее в студии «Мосфильма» с песнями хора радиокомитета. За Володю пел один из солистов хора. Даже текстовую «озвучку» провели дублеры».

И Высоцкий по примеру чеховского Ваньки Жукова не ложился спать, а, разложив перед собой измятый лист бумаги, писал: *«На Большой Каретный, дедушке Левону Суренычу. Милый дедушка, заberi меня скорей отсюдова! Эдик меня обижает...»*

А вот Светличную режиссер не обижал, после «Стряпухи» актриса оказалась нарасхват. И белокурую искусительницу после уникальной по тем временам имитации стриптиза в фильме Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» сразу нарекли «секс-символом советского кино». Скромница вяло отнекивалась: «Просто я первая женщина, которая сыграла... сексуальную роль, которую смотрят пять поколений... Меня даже первоклассники сейчас встречают и кричат вслед: «Не виноватая я! Он сам пришел!..»

Но затем Светлана надолго выпала из обоймы успешных киноактрис, даже начала терять профессиональные навыки. Скажем, в сериале «Место встречи изменить нельзя», когда не пошла важная сцена, она закомплексовала и даже расплакалась. «Володя Высоцкий меня спас, – вспоминала Светлана. – Он сказал Говорухину: «Слава, ты знаешь, она не должна в кадре реветь. Когда приходит беда, женщина обычно начинает стирать или мыть посуду...» Это было как раз для меня. А еще он предложил называть мою героиню не по имени-отчеству, а просто Надюшей. И сразу стало как-то легко. Я была очень благодарна Володе...»

Потом он придумал эпизод, намекающий на дальнейшее развитие особых отношений Жеглова и Надюши. Ведь должна же быть у капитана ОББ любимая женщина! По его идее, когда операция поимки бандитов закончилась, все опера должны были собраться в ресторане отметить это событие. И в зал по лестнице спускался бы он, Жеглов, держа под руку Надюшу, то бишь Светличную. Зритель, он у нас умный, убеждал он Говорухина, сразу поймет, что у Жеглова появилась любимая. Он даже присмотрел один одесский ресторан, где можно было все это снять. Но эпизод остался лишь в фантазиях Владимира Семеновича и памяти Светланы...

«Я очень рада, что судьба свела меня с Володей, – признавалась Светлана. – Не могу сказать, что он был моим близким другом, но всегда был рад меня видеть... Когда я встречалась с Володей, он был для меня кумиром, а я была просто коллегой. Я даже робела...»

* * *

– ...Володь, почитай-ка сценарий. Может интересное кино получится, – таганский премьер Коля Губенко положил перед Высоцким серенькую тетрадку – «Геннадий Шпаликов – «Я родом из детства».

– Хорошее название... По-моему, Экзюпери сказал: все мы родом из детства, словно из какой-нибудь страны. Да?

– Угу, – кивнул Губенко.

– А ты что же?.. – поинтересовался Высоцкий.

– Петрович не отпустит – раз. А потом, я уже занят в другой картине. Так что Турову я сообщил, что не смогу. Жаль, честное слово. И сценарий классный, и режиссер как будто бы неплохой. Я ему, кстати, о тебе говорил. Он обещал подумать... В общем, почитай, мой тебе совет...

Весной 1965-го Высоцкого вызвали на пробы в Минск. «Приехал с женой, – вспоминала костюмер «Беларусьфильма» Алла Грибова. – Жили они в общежитии... Там же мы и собирались, в основном «киряли». Но Володя чаще пел. Он показался тогда очень мягким в общении человеком».

После проб состоялся разговор с режиссером-постановщиком Виктором Туровым. Хороший разговор, обстоятельный, душевный. Видя, что Володя поглядывает на часы, Туров спросил: «Что, опаздываешь?»

– Да, поезд через сорок минут. Завтра – кровь из носу – надо быть на Таганке. Иначе «шеф» меня живьем сожрет!

– Ерунда! – махнул рукой Виктор. – Утром улетишь.

Они отправились на вокзал, сдали билет, вернулись к Турову и проговорили уже до утра. А с рассветом помчались в аэропорт. «И вот когда Володя уже уходил за турникет – бежать к самолету, – рассказывал Туров, – он вдруг повернулся и сказал: «Витя! Возьми меня. Увидишь – не подведу!» Самые обычные слова. Но было что-то в его голосе такое...»

Высоцкого утвердили на роль фронтовика-танкиста с третьей попытки. А вот исполнительницу главной роли Елену Добронравову худсовет безоговорочно «зарубил». Аварийно спасать картину, которая фактически уже была снята, вызвали из Ленинграда Нину Ургант. «Основные сцены переснимались, – рассказывала актриса, – а средний план оставляли как есть, так как по фигуре мы с первой исполнительницей роли были похожи».

По фигуре – возможно. Но не по степени самоотдачи. После того как отсняли трагический эпизод получения похоронки, Нина Николаевна на два месяца попала в больницу – у нее отнялись руки: «Я так волновалась, что к съемке похудела на 15 килограммов. Режиссер все объяснил, я приготовилась. А когда начали снимать и я взяла похоронку – не закричала, не заплакала. Просто вдруг повернулась и пошла, ничего не видя, карабкаясь по поленнице дров, пока не провалилась куда-то и не замерла...»

С Высоцким у нее с первой же встречи образовалась добрая симпатия. «Прихожу на студию, – вспоминала она, – с табуреточки поднимается молодой человек. «Здравствуйте, Нина Николаевна. Я – Володя Высоцкий», – ростом мне по плечо, щеки розовые. А нам играть про любовь! Увидев мое лицо, он сказал: «Не огорчайтесь, ради бога, я на экране получаюсь мужественный...»

Коллеги-кинематографисты знали: всякий раз на съемках Нине непременно нужно кем-то увлечься. А потому влюблялась она часто и самоотверженно, правда, большей частью платонически, но все равно всегда жила и работала под сильным напряжением. Но никаких отношений, кроме дружеских, с Высоцким не было. Говорила: «Ни с моей стороны, ни с его... Значит, в этот момент я была занята...»

Тем более в Белоруссию наезжала Людмила, даже с сыновьями, и в киногруппе потешались над молодыми родителями: «У вас что, света не было?»

С Ургант Высоцкий по-настоящему сдружился. Время от времени бывая в Питере, Высоцкий непременно навещался в дом Нины и ее мужа Кирилла Ласкари² на улице Римского-Корсакова. Это были не просто развеселые застолья. Рождались какие-то творческие проекты. В соавторстве с Ласкари Высоцкий собирался сделать авантюрный мюзикл по повести Алексея Толстого «Необычайные приключения на волжском пароходе». И либретто было сочинено, песни к нему были написаны. «В Министерстве культуры, – рассказывал Кирилл, – нас встретили жизнерадостные тети и дяди... Успех превзошел все наши ожидания. Окрыленные, мы покинули гостеприимных хозяев». Но к постановке мюзикл не допу-

² Ласкари Кирилл Александрович (1936–2009) – балетмейстер, литератор, заслуженный деятель искусств РФ, сводный брат А. Миронова.

стили. Правда, спектакль потом все же состоялся. Но уже после смерти Высоцкого и без его песен.

«На заре туманной юности» будущая знаменитая «Дама с собачкой», актриса Ия Саввина мечтала стать журналисткой. Даже окончила соответствующий факультет МГУ. Но подалась в артистки. Хотя первую свою профессию не забывала и время от времени сочиняла разные заметки. Но только тогда, когда ей этого очень хотелось.

«На Кировском проспекте рядом с «Ленфильмом» в какой-то витрине был выставлен портрет. Под ним стояло: «Эдуардо де Филиппо. «Никто». Нинучча – Н. Ургант». Каждый день после съемок проходила я мимо этого портрета. Иногда останавливалась и вглядывалась в очень обычное лицо, которое совсем необычным делали глаза. Они были скорбные и лучистые. Это сочетание скорби и сияния поражало», – писала о своей коллеге Саввина в очерке «Встреча», опубликованном в «Советском экране».

Однажды, возвращаясь из театра домой, Нина увидела, что весь ее двор-колодец заполнен людьми. И над этой толпой из открытого окна Ургант ревет голос Владимира Высоцкого.

Нина Николаевна вбежала в квартиру и увидела: сидит Высоцкий напротив ее собаки Зурикеллы и поет. Он был совершенно уверен, что собака все понимает.

– Посмотри, какие у нее глаза, – сказал он. А про себя подумал: «Точь-в-точь как у хозяйки...»

А она все его шпыняла:

– Володя, ну что же ты так кричишь?! Твои песни такие многослойные, я ничего не понимаю. Ты бы написал что-нибудь о любви, что ли...

Он слушал ее, слушал, кивал и улыбался:

– Нин, ты действительно ни черта не понимаешь. У меня все песни о любви.

«Если бы не песни, – считала Ургант, – Высоцкого вообще можно было бы назвать молчаливым человеком. Не помню, чтобы он подолгу говорил, философствовал на какую-то тему. Брал гитару и пел. По большому счету ему даже не важно было для кого: важно только, чтобы слушатели были...»

А вот однажды на появление Высоцкого в этом доме вообще не среагировали. «Он ко мне ночью в мастерскую с двумя красивыми девушками приехал, – вспоминал скульптор Зураб Церетели. – Усталые немножко. Садись за руль, говорит, в Ленинград поедem. Я на его «Мерседесе» повез их в Ленинград. Они поспали в дороге. В четыре часа утра приехали в какую-то квартиру. Там день рождения, но гости пьяные, спят некоторые. Володя песни пел, пытался их разбудить. Но потом говорит: поехали назад. Повез я их в Москву. Приехали ко мне. Я их чаем напоил, а потом «Хванчкарой»... Полегчало. Я и говорю: может, обратно в Ленинград?..»

Все друзья знали: гостеприимная хозяйка дома обожала шутки, веселье, экстравагантные вольности. Семейной легендой стал предрассветный визит Андрея Миронова, Александра Ширвиндта и Зиновия Гердта, которые стояли на лестничной площадке перед их дверью абсолютно голыми, стыдливо прикрывая руками причинные места: «Ниночка, нас ограбили...»

Высоцкий тоже как-то отличился – однажды привел к ней с десяток невероятных красоток, шикарно одетых, все в бриллиантиках, и в комнате сразу запахло «Шанелью». Усадив гостей за стол, Нина заварила цейлонский чай. Высоцкий взял гитару и пел часа три. Когда красавицы ушли, Ургант поинтересовалась:

– Володь, а кто они?

– А-а, проститутки с Невского...

Но надо отдать должное: впредь перед подобного рода визитами Высоцкий непременно звонил Нине и просил позволения привести с собой гостей.

Хотя Нина Николаевна говорила: «Так мне выпало, что я никогда не видела Высоцкого в «разобранном» состоянии. Да вроде и не многие его видели. В таких случаях он прятался от людей, и правильно делал».

Но вот с появлением в жизни Высоцкого Марины Влади Ургант стали подтачивать какие-то ранее незнакомые ей ревностные чувства. Она в упор не желала видеть в Марине ту женщину, в которой по-настоящему нуждался Володя. Уверяла, что Марина вовсе не стремилась уберечь мужа от пьянства, а даже провоцировала: «Я болела воспалением легких, ко мне из театра приходила медсестра Зиночка ставить банки... Володя заходит ко мне в комнату: «Ниночка, твоя медсестра может вынуть мне ампулу?» (Он тогда «подшивался» от спиртного.) Спустил джинсы, а в верхней части ягодиц – огромная воспаленная гематома. Я сразу позвала Зиночку, та посмотрела: «Надо срочно вытаскивать – иначе заражение крови!» Вытащила, обработала рану, зашила. И тут возвращается из магазина Марина, принесла какие-то продукты и шампанское. Я к ней: «Маринка, представляешь, Володьке пришлось ампулу вытащить! Что же делать?!» А она с радостью: «Вытащили? Тогда давайте выпьем шампанского!» Достает бокалы и наливает Володе. Зачем?! Я ее чуть не убила».

И, как говорила Нина Николаевна, окончательно добил ее эпизод с Мариниными «сигаретками»: «Однажды я увидела у нее необычную сигарету. Захотелось попробовать, тогда же дорогие импортные сигареты можно было купить только за доллары. Попросила: «Марина, угости!» Она улыбнулась: «Ты не станешь это курить» – «Ну, мне хочется. Жалко, что ли?» – «Нет, не жалко – бери». Я сделала затяжку, тут же «поплыла» и отбросила «сигарету». Потому что хоть и курильщица, но не наркоманка...»

* * *

Приключения следовали за Высоцким по пятам. Или он их сам умудрялся создавать? Взять хотя бы нелепую историю, которая случилась с Владимиром, зеркально отразившуюся много позже в одном из эпизодов знаменитой «Иронии судьбы».

Итак, главная героиня – актриса Театра миниатюр Тамара Витченко. В нее был влюблен весь факультет музыкальной ГИТИСа, а может быть, и весь институт, свидетельствовал Валерий Золотухин. Но она была недосыгаема, только сладко улыбалась, разрешала себя любить и восхищаться. «Какими обожающими глазами смотрел на нее Володя Высоцкий, когда она пела и на гитаре играла», – мечтательно вспоминала актриса Театра миниатюр Инна Поливанова.

Ее воздыхатель – некий «морской волк» Илья, начальник Калининградского порта, летом 64-го года оказывается в Москве. Естественно, нашел свою симпатию, она пригласила в гости. Все, как полагается: сидят, выпивают. «Где-то поздно ночью звонок, приходит парень, – рассказывал Илья. – Мы сидим, выпиваем уже втроем... Три часа ночи. Кто-то должен уйти. Мы ждем, кто это сделает. Она не провожает, не выгоняет никого... нам весело... но мы ждем друг от друга, кто же уйдет. В конце концов, мы уходим вместе... Прощаемся, берем такси. Он уезжает в одну сторону, я – в противоположную. Через пять минут к ее подъезду подъезжают одновременно две машины. Выходит этот парень, выхожу я... Мы рассмеялись, поднялись уже вместе. И до 12 дня выпиваем. Этим парнем был Володя Высоцкий...»

Много позже Тамара и ее муж Виктор Анисько, работавшие уже в Театре имени Станиславского, поддерживали с Высоцким дружеские отношения. «Володя, – вспоминает Тамара, – часто навещал их в общежитии на Смоленской, и в любое время года с розами. Хотя с деньгами было не то что негусто – просто пусто. Как-то приехал с цветами для Тамары и, чтобы расплатиться с таксистом, – отдал свой шарф».

...Едва Высоцкий с Люсей Гурченко переступили порог квартиры Тамары Кормушиной и ее тогдашнего мужа Бориса Диадорова, наметанный глаз художницы сразу определил: «Между ними были отношения. Не роман – просто переспали». Хотя потом Людмила Марковна напрочь отрицала любые домыслы: «Нет, мы не дружили. Не встречались ни на съемочной площадке, ни на сцене. Но в жизни общались в самых разных ситуациях, при самых неожиданных обстоятельствах... Наверняка он блистал остроумием в компании ближайших друзей. Но мне этого не досталось. Со мной он был всегда корректным, немногословным, очень доброжелательным, не проявляя того особого интереса, который, казалось бы, естественен между вполне нормальными мужчиной и женщиной, да еще с нашумевшими именами. С самой первой встречи он был мой товарищ. И от этого нам всегда было просто и легко...»

А вот Диадорова Людмила Марковна у Тамары увела. Впрочем, после их скоротечного романа Борис увлекся Люсей – Абрамовой, затем сокурсницей Изы Высоцкой Филипповой. Владимир ему по этому поводу даже претензии предъявлял: «Вот, гулял с одной моей экс-супругой, а женился на Каринке...»

* * *

Итак, в 1965 году Людмила Абрамова и Владимир Высоцкий официально стали мужем и женой, что в загсе засвидетельствовали своими подписями Лена Щербиновская и Игорь Кохановский.

Даже свадьба была. «Вышли из Театра Маяковского, где играли и репетировали «Героя нашего времени», – вспоминал Вениамин Смехов, – сели в три такси и в узковатой комнате, сбив стол и тумбочки, отметили брачный союз... Очень весело сидели. Сева Абдулов пел «Кавалергардов» Юлия Кима, Володя гордо сиял. Коля Губенко пел «Течет реченька», Володя громко восторгался. Пели вместе, острили, анекдотили, а потом – пел сам поэт, прикрыв глаза, с какой-то строчкой уходя в никуда, в туннель какой-то... Меня прошибла песня «А счетчик щелкает...»

Были на свадебной вечеринке и вчерашние Люсины сокурсницы – Галя Польских и Света Светличная. Девушки на все лады расхваливали «невесту»: «Мы звали ее «мамой». Она была самая умная, очень красивая и очень терпимая... Она учила нас этикету, давала какие-то советы. Она знала, что мы голодные... всегда приезжала к нам в общежитие с полной сумкой продуктов...» Володя млел от удовольствия.

Высоцкого беспокоила творческая карьера жены, он внимательно следил за ее работой в Экспериментальном театре пантомимы Александра Румнева, где собралась компания вчерашних вгиковцев.

Если на первых порах Люсе еще предлагали какие-то роли в кино и она отказывалась, ссылаясь на семейные обстоятельства, то вскоре об Абрамовой как об актрисе стали уже забывать. Правда, где-то в середине 60-х некий Борис Ермолаев сочинил сценарий для телевидения, который, по мнению автора, был обречен на «мировую сногшибательную славу». Участник того лицедейства Вениамин Смехов рассказывал, что «все это называлось «Комната» и весь текст поместился бы в спичечную коробку – двое любят, нет квартиры, но вот появилась, и друзья это отмечают... И вот Эдик³ меж слов и меж умствований поет и даже называет Володю автором – «Где твои семнадцать лет?» и «Жил я с матерью и батей...». По замыслу автора, Высоцкий играл в телеспектакле сугубо отрицательную роль – художника, а Люся – стюардессу, его возлюбленную, чуть более положительную. Она не была в

³ Арутюнян Эдуард – актер Театра на Таганке в начале 60-х гг.

восторге от этой работы, интеллигентно замечая: «...не помню, чтобы мы получили много радостных впечатлений...»

Владимир втягивал в проблемы трудоустройства жены знакомых, друзей, искал какие-то варианты. Золотухин был раздосадован, когда на вечеринке в ВТО они только и говорили о Люсе, о каком-то сценарии для нее: «Может быть, самим его придумать? Новое дело у меня в жизни – долг перед Люсей, надо что-то сделать для нее...»

Однако сама она говорила: «Живя несколько лет с человеком могучей индивидуальной, сольной судьбы, поняла и привыкла: судьба – это *«что же на одного – колыбель да могила»*. А семья? Я на те семь лет ограничила свою жизнь его судьбой...»

Хотя подспудно в ее душе, видимо, все же тлела скрытая обида на мужа, который загубил ее актерство. Одна беременность, другая, неустроенный быт, безвестность, безденежье, косые взгляды родных: ведь говорили тебе...

«Он действительно пил, страшно пил, – сокрушалась Абрамова. – Смолоду ему казалось, что сможет сам волевым усилием остановиться. И в конце 65-го года с помощью друзей и близких ему это удалось. А потом, когда срывался, ненавидел в себе это рабство свободного человека. Он страшный крест нес! Но и в эти годы рождались самые потрясающие песни».

Людмила сделала все, чтобы отправиться вместе с мужем на гастроли в Грузию. И Высоцкий сообщал в письме Кохановскому: *«Жена моя Люся поехала со мной и тем самым избавила меня от грузинских тостов алаверды, хотя я и сам бы при нынешнем моем состоянии и крепости духа устоял. Но – лучше уж подстраховать, так она решила. А помимо этого в первый раз в жизни выехали вместе. Остальных потихоньку спаивают...»*

Как она радовалась, когда в 1966-м для мужа настал миг крупной победы: «Володя сыграл Галилея. Все предыдущие работы на Таганке были хороши – и сами по себе, и еще как обещание Настоящей Роли. Вершины. Он рубил ступени. Чтобы выйти на эту вершину, кроме актерского труда, нужно было преодолеть еще один очень крутой подъем, оставить позади очень страшную трещину – надо было перестать пить. В этом преодолении сложилось многое – Володино усилие воли, помощь врачей, вера и желание близких.

Больше всех, наверное, – требовательная любовь Юрия Петровича Любимова: Володя совершал свое восхождение не в одиночку, это было восхождение любимовского театра. Володина беда была общей бедой театра, Володина победа – победой общей. Какая победа, какая премьера! Она находила объяснения срывам: он пил, чтобы ликвидировать «духовный спазм». И внутренне чувствовала его «уходы в пике» и говорила: «Дня через два-три он возвращался. В силу внутреннего чутья я открывала дверь, встречая его на пороге... Непредсказуем он был для тех, кто его не знал, а иногда он сам удивлялся своим поступкам...»

Я шел домой под утро, как старик.
Мне под ноги катились дети с горки.

Не надо подходить к чужим столам,
И отзываться, если окликают...

Период 66 – 67-х годов стал для Владимира абсолютно «сухим». Он избегал даже пива и кваса. Люся помогала – надкусывала шоколадные конфеты, дабы убедиться, что там нет начинки с ликером или ромом...

Но именно под утро, возвращаясь домой после первой встречи с Мариной Влади, он, чтобы никого не тревожить, взял да и запрыгнул в квартиру на Беговой, расположенной на первом этаже, через подоконник. В одной руке у него была гитара, в другой – букет белых пионов...

«На самом деле он любил только одну женщину, Людмилу Абрамову, – был категоричен композитор Владимир Дашкевич. – И если бы она все время была рядом с ним, возможно, его жизнь сложилась бы не так трагично».

* * *

В поисках заработка молодой Высоцкий не раз предлагал популярным в ту пору эстрадным исполнителям свои песни – и Майе Кристалинской, и Ларисе Мондрус. Они отмахивались. Первой из тех, кто в конце концов отважился спеть Высоцкого, стала Алла Пугачева.

«...Он всегда был для меня Владимиром Семеновичем, – вспоминала Пугачева. – Мы встречались у нашего общего знакомого. Я была тогда никто, так, девочка лет семнадцати. Я садилась за пианино, играла, Владимиру Семеновичу нравилось. Там бывали разные люди: космонавты, ученые, Гагарин...»

В Театр на Таганке юная Алла была просто влюблена, пересмотрела все спектакли, шуря в задних рядах (очки были уже выброшены в помойное ведро). С Высоцким ее познакомил сотрудник Центра подготовки космонавтов Герман Соловьев, за которого она собиралась замуж. Но после встречи с Высоцким – отказалась.

«Она была такой искренней, – вспоминал Борис Хмельницкий, – а перед этим качеством Высоцкий не мог устоять. Мы все были в нее влюблены. А еще у Аллы невероятно красивые ножки. Поэтому мы, мужики, смотрели на нее, как беспомощные телята».

Алла частенько заглядывала на Таганку (благо, жила неподалеку), вертелась за кулисами и однажды, как бы шутя, попросила Владимира подыскать ей хоть какую-нибудь завалященную роль.

– Я хочу стать комедийной актрисой, – говорила Алла.

Тот, оценивательно посмотрев на рыжеволосую, бойкую девушку, согласился: «Хочешь – значит, будешь». И для начала вытащил Пугачеву на таганскую сцену, упрятав ее среди актеров в какой-то массовой сцене. Слава богу, Любимова в тот вечер в театре не было. Дебют талантливой девочки Высоцкий с друзьями в тот вечер отмечал, как свой собственный.

Впрочем, романа между ними не было. Просто дружба. Хотя, как считал Утыльев, один из сотрудников того же Центра подготовки космонавтов, «она его, конечно, обожала. Хотя Володя внешне неброский был... Алла же всю жизнь любила красивых мужиков...»

Со временем эта компания как-то разбрелась в стороны, и Пугачева с Высоцким обменивались лишь взаимными шутливыми приветами: «Пусть эта свинья хоть позвонит!..» Это он – в мой адрес. А я говорю: «Это я – свинья?! Он что, сам позвонить не может?..»

«Алла снималась у меня в «Сезоне чудес», – вспоминал Георгий Юнгвальд-Хилькевич. – Мне Володя как-то признался, что у него было около двух тысяч женщин. И он очень жалел, что 17-летняя девочка из массовой у него поначалу не ассоциировалась с той самой Пугачевой. Он позже только понял, что имел роман с будущей звездой. Но было поздно что-то изменить».

Желание петь Высоцкого у Пугачевой всегда присутствовало. «Но ни одна песня не удавалась, – рассказывала она. – Потому что настолько он индивидуален. Но вот две песни, которые я услышала, причем не в его исполнении, а в исполнении Марины Влади, – «Бокал вина» и «Беда» – меня просто поразили. И я очень хотела их спеть и собиралась... Я собиралась их спеть где-то года три подряд: думала, думала, думала...»

И надо было случиться такому роковому стечению обстоятельств! Как раз в трагическую ночь 25 июля 1980 года Пугачева с друзьями-музыкантами заканчивала репетировать «Беду». На следующий день готовилась премьера песни во время олимпийского концерта. И Алла Борисовна завелась: «Ну, давайте позвоним ему сейчас, скажем...» Я не знаю, что со мной творилось. Где-то в три часа ночи меня просто держали, как будто в меня дьявол

вселился... Меня держали четверо человек, и один из них Юрий Шахназаров – тогда он у меня был руководителем ансамбля... Я говорила, что необходимо именно сейчас позвонить. А он: «Телефона у меня с собой нет...» Я говорю: «Ну, узнайте!..» – «Поздно сейчас, утром сообщим...» Я говорю: «Нет, сейчас!..» Говорят: «Ну, куда мы будем сообщать?.. Нет телефона... В три часа ночи неудобно...» Когда мне позвонил Юра на следующий день и сказал: «Алл...» – «Ты достал телефон?..» Он говорит: «Да, только звонить не надо...» Это, конечно, мистически-трагическая история... Не скупитесь на любовь...»

В день похорон Высоцкого она вышла на сцену главного пресс-центра Олимпиады в черном траурном платье и начала свое выступление песней «Я несла свою беду...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.